

ЛИЯ ВАЛЕРИ

НЕВОЛЬНИЦА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

18+

Лия Валери

Невольница для генерала

«Автор»

2026

Валери Л.

Невольница для генерала / Л. Валери — «Автор», 2026

Меня подарили Гар'Зулу - генералу Триумвирата, чье имя заставляет трепетать целые системы. Он привык, что перед ним преклоняются. Привык, что его приказы не обсуждаются. Привык ломать тех, кто осмеливается поднять на него глаза. Я всего лишь землянка. Безродная. Беззащитная. И первая, кто посмел сказать ему "нет". — Ты должна бояться, — его пальцы впиваются в мои плечи. Я улыбаюсь. Не от храбрости. Оттого, что мне нечего терять. — Ты не такая, как остальные... — в его голосе раздражение, а в глазах опасный интерес.

© Валери Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	52
Глава 18	54
Глава 19	56
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лия Валери

Невольница для генерала

Глава 1

Пролог

– Да, эта подойдёт.

Голос прозвучал сверху, бесстрастный и твёрдый. Я не подняла глаз – зачем? Всё равно увижу лишь ещё одного покупателя, разглядывающего меня, как вещь.

Но этот был не похож на обычных торговцев плотью.

Сквозь опущенные ресницы я различила чёрный мундир с серебряными галактическими шевронами – офицер Триумвирата. Высокий, с жёстким, как скала, лицом, он медленно обошёл меня по кругу, будто осматривал оружие перед покупкой. Его пальцы – в чёрных перчатках – грубо взяли меня за подбородок, заставив поднять голову.

– Не испуганная. Это редкость, – пробормотал он, изучая моё лицо. – И глаза... Интересные.

Я сжала губы. Платье, в которое меня нарядили – синее, с мерцающими нитями, – должно было подчеркнуть «экзотичность». Кей'нар неплохо подлатал меня после операции и дал восстановиться, лишь бы продать подороже.

– Происхождение? – спросил офицер, не отпуская моего подбородка.

– Безродная землянка. Но чистокровная, без модификаций, – поспешно ответил Кей'нар.

– И послушная.

Я едва не фыркнула. Послушная. Если бы они знали...

Офицер, судя по нашивкам – нахмурился.

– Сколько?

– Для капитана Заратуна – тридцать тысяч кристаллов.

Он хмыкнул, доставая кредитный чип.

– Генерал Гар'Зул ценит... неожиданные подарки.

Я не знала, кто такой Гар'Зул. Но по тому, как дрогнули веки Кей'нара, поняла – это имя внушало страх.

Капитан бросил на меня последний оценивающий взгляд.

– Приведите её в порядок. Генерал не любит грязь.

Когда его шаги затихли, я наконец перевела дух.

Хорошо.

Пусть думают, что я просто послушная рабыня. Пусть этот Гар'Зул верит, что приобрёл красивую игрушку.

Я заставлю его пожалеть об этом.

Цепи на моих запястьях звякнули, когда охранник грубо толкнул меня в сторону подготовительных камер.

Глава 1

(За месяц до этого)

Потолок. Бесконечный, давящий своей стерильной белизной.

Я лежу неподвижно, уставившись в тонкую трещину, что тянется от вентиляционной решетки к мерцающей люминесцентной лампе.

Она извивается, как живая, то расширяясь, то сужаясь, будто пытается сбежать из этого белого ада.

Третий час я слежу за её причудливыми изгибами, как когда-то в детстве следила за облаками.

«Не трогай, Лерка, а то совсем развалится», – вспоминаю бабушкин голос.

Летом в деревне после сильного дождя на глиняных кувшинах появлялись точно такие же трещины.

Я тогда боялась до них дотронуться, представляя, как хрупкий сосуд может рассыпаться у меня в руках.

Скрип двери вырывает меня из воспоминаний.

В палату входит доктор Громов – молодой, с грустными глазами, которые видели слишком много смертей.

В его руках планшет, на экране которого – мой мозг в безжалостном чёрно-белом разрезе.

И эта маленькая белая точка в самом центре, похожая на звезду в ночном небе. Только это звезда смерти.

– Результаты МРТ... – он делает паузу, и в этот момент перед глазами всплывает воспоминание.

Август, озеро, отец запускает бумажного змея.

«Главное – вовремя отпустить верёвку, Лерочка», – говорит он, и его пальцы разжимаются.

Змей взмывает в небо, а я смеюсь от восторга. Через неделю его не стало.

– ...неоперабельная глиома. Ствол мозга.

За окном медленно падает кленовый лист.

Я слежу за его танцем, пока он не исчезает из поля зрения.

В голове крутится одна мысль: *Я так и не увидела моря*. Ни разу за свои тридцать лет.

Всегда находились причины отложить поездку – то сессия, то срочный проект, то нехватка денег.

«В следующем году обязательно», – обещала я себе.

Но следующего года, похоже, не будет.

Теперь в моём будущем только эта белая точка на снимке и бесконечные больничные стены.

– Мы можем предложить паллиативную терапию...

Его голос превращается в далёкое эхо.

В ноздри бьёт знакомый запах больничного коридора – тот самый, что был в детстве, когда я ждала маму после ночной смены.

Она выходила уставшая, с тёмными кругами под глазами, но всегда находила силы обнять меня и спросить: *«Что сегодня снилось, доченька?»*

Теперь меня некому спросить.

Нет ни мужа, который обнял бы в трудную минуту, ни детей, ради которых стоило бы бороться.

Даже собаки нет – только кредитная карта с нулевым балансом и маленькая гостинка в ипотеке, которую, наверно, после моей смерти отберут банки.

– ...лучевая терапия замедлит рост, но...

На тумбочке лежит подарок от коллег – коробка дешёвых конфет и открытка с клоуном: «С ДР!».

В прошлом году Саша из бухгалтерии хотя бы организовал сбор на букет.

В этом – даже не потрудились подписаться.

Я отдала этой конторе семь лет жизни.

Семь лет без выходных, без полноценных отпусков.

«Подожди, вот проект сдадим – отдохнёшь», – уговаривал начальник.

Я верила.

Не дождалась.

– ...есть вопросы?

Я молча качаю головой.

Какие могут быть вопросы, когда ответ очевиден? Я всё равно умру, через месяц или через три. Особо разница небольшая.

Когда дверь закрывается, я достаю из кармана халата потрёпанную фотографию.

Лето, дача, мне лет десять. Я сижу на плечах у отца, такой счастливой, каковой уже никогда не буду.

Мама рядом, она смеётся, прикрывая лицо от солнца рукой.

Им было по сорок, когда пьяный водитель вынесся на встречную полосу.

Мне – девятнадцать, я только поступила в институт.

Бабушка умерла ровно через год – сердце не выдержало горя.

Больше никого.

Только я и эта проклятая опухоль, что пожирает мой мозг.

Вечерняя сиделка приносит ужин – безвкусную жижу, которую здесь называют кашей.

– Хоть ложечку... – бормочет она.

Я отворачиваюсь к окну.

За стеклом сгущаются сумерки.

В детстве я боялась темноты. Мама ставила в коридоре ночник в форме луны.

«Это твой ангел-хранитель, Лерочка», – успокаивала она меня.

Где теперь этот ангел? Почему он не защитил меня? Почему позволил всему так произойти?

Свет в палате гаснет. Я остаюсь одна с моими мыслями и монотонным писком аппаратуры.

Скоро всё закончится. И никто даже не заметит. Никто не придёт на мою могилу, не положит цветов. Никто не вспомнит через год. Получается, я жила – и как будто не жила вовсе.

С этими мыслями проваливаюсь в тревожный сон.

Внезапно нос щиплет от резкого запаха озона. Я открываю глаза в полной темноте.

Холодные, чужие пальцы сжимают мои губы.

– Тссс... – шепчет кто-то прямо над ухом.

Последнее, что я успеваю заметить перед тем, как сознание гаснет – три длинных, костлявых пальца, сжимающие шприц. И красный свет, заливающий палату, точно такой же, как тот закат над озером, когда отец в последний раз запускал своего бумажного змея.

Глава 2

Тьма окутала меня плотным покрывалом.

Сначала я подумала, что ослепла. Густая, непроглядная темнота окружала со всех сторон. Я зажмурилась несколько раз, но ничего не изменилось. Потом постепенно поняла – вокруг действительно было темно, но зрение понемногу возвращалось.

Воздух здесь был странным. Он пах озоном и металлом, как в старом лифте, но с примесью чего-то кислого и едкого. От этого запаха у меня свело зубы и запершило в горле. Я лежала на чём-то холодном и твёрдом – определённо металлическом полу. Язык прилип к пересохшему нёбу, во рту стоял вкус крови и лекарственной горечи. Голова гудела, как после трёхдневного запоя, мысли путались и расплывались.

Где я? Что произошло?

Я попыталась пошевелиться и почувствовала, как грубый материал врежется в запястья – руки были связаны за спиной каким-то шершавым шнуром. Ноги оставались свободными, но дрожали так сильно, что не слушались. Всё тело будто налилось свинцом.

Слева раздался тихий всхлип. Женский.

– Кто здесь? – спросила хриплым голосом.

– Тише, ради всего святого! – прошипел кто-то справа. Голос дрожал от страха. – Они могут услышать!

Глаза постепенно привыкали к темноте. Вокруг слабо мерцали какие-то индикаторы, дававшие призрачное освещение.

Мы находились в огромном металлическом помещении, похожем на ангар или грузовой отсек. Сводчатый потолок терялся в темноте. Вдоль стен сидели, лежали, съёжившись, десятки женщин. Все были одеты кто во что – я разглядела ночные рубашки, домашние пижамы, джинсы и майки. У некоторых на запястьях белели больничные браслеты. Одна девушка была даже в вечернем платье, будто её взяли прямо с какого-то мероприятия.

Значит, я была не одна. Не только меня...

Внезапно раздался оглушительный металлический скрежет – открылась тяжёлая дверь. В помещение ворвался резкий синий свет, и я инстинктивно зажмурилась. Когда открыла глаза – увидела их.

Трое существ стояли в проёме. Высокие, тощие, не менее двух метров ростом. Их серая кожа была покрыта блестящими хитиновыми пластинами, напоминавшими броню. Длинные пальцы заканчивались острыми чёрными когтями. Но страшнее всего были их лица. Вернее, то, что должно было быть лицами. Носов не было – только вертикальные щели. Глаза – огромные, полностью чёрные, без видимых зрачков. Рты – тонкие прорези без губ.

Один из них подошёл к первой девушке в ряду. Достал странный прибор, напоминавший кость с вживлёнными проводами и кристаллами. Поднёс к её виску – аппарат засветился ровным зелёным светом.

– Здорова, – пробормотал он на каком-то гортанном языке. И самое странное – я *понимала* его.

Он перешёл к следующей. Зелёный свет. «Здорова».

Моё сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Я прижалась спиной к холодной стене, стараясь стать как можно меньше, незаметнее.

Чудовище приблизилось.

Прибор загудел у моего виска. Вдруг раздался резкий треск – будто сломалось стекло. Свет стал грязно-жёлтым, мерцающим.

Существо резко отдернуло руку, будто обожглось. Быстро заговорило с другим на своём языке. По резким, отрывистым звукам и тону – явно ругалось.

Потом без предупреждения, ударило меня ногой вбок.

– Брак! – рявкнуло оно, и это слово обожгло сильнее удара.

Боль разлилась горячей волной по всему телу. Я скукожилась, подтянув колени к животу, стиснула зубы, чтобы не закричать.

Существа ушли, хлопнув массивной дверью.

В наступившей темноте кто-то начал плакать.

Я сжала кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в ладони.

Что, чёрт возьми, происходило?

Где-то внизу, сквозь металл пола, доносился низкий гул работающих двигателей. Пол слегка вибрировал в такт этой пульсации.

И только тогда до меня дошла страшная истина –

Это был космический корабль.

А мы... мы были всего лишь грузом. Живым товаром.

Я сидела, прижавшись спиной к ледяной стене, и пыталась дышать ровно, через нос. Бок горел от удара, но я стиснула зубы. Кричать и плакать было нельзя. Показывать, что больно тоже.

В темноте начались шепотки.

– Это работоторговцы, – сказала срывающимся голосом рыжая девушка в разорванной ночной рубашке. – Меня предупреждали... в портовых районах Нового Орлеана часто пропадали люди...

– Какой порт?! – всхлипнул кто-то. – Я была в своей спальне! В Перми!

Я молчала прислушиваясь.

Пермь. Новый Орлеан. Больница. Космический корабль.

Бред. Это должен был быть бред. Галлюцинация от лекарств. Или из-за опухоли? Может, мне всё это мерещится?

Но холодный металл под моими пальцами был настоящим. Едкий запах пота, крови и страха был настоящим. Боль в боку была настоящей.

Дверь снова открылась.

Вошли трое. Двое – те же серые существа, а между ними – новый. Повыше, в чёрных доспехах, с мерцающим ошейником на длинной шее.

– Осмотр! – рявкнул он на том же ломаном, но понятном мне языке.

Девушек начали грубо выстраивать в ряд. Я съёжилась, стараясь затеряться, но один из серых схватил меня за волосы и потащил вперёд.

– Эта бракованная, – сказал он тому, что был в доспехах.

Тот наклонился, его щелевидные ноздри дрогнули, втягивая воздух.

– Откуда?

– Планета... – серый щёлкнул когтями, вспоминая, – Земля.

Чёрный издал звук, похожий на шипение кипящего масла.

– Опять этот мусорник.

Его рука сжала моё лицо, длинные пальцы впились в скулы, заставив вскрикнуть от боли.

– Смотри.

Он опять достал свой прибор, сканер.

Я замерла, почувствовав, как сердце заходится в груди.

Снова навёл на меня, зелёная полоска света медленно просканировала мою голову и опять выдала неприятный звук и грязно-оранжевый цвет лампочки.

– Видишь? – он ткнул мне в лицо прибором, показывая какие-то цифры. – Брак.

Серый разочарованно щёлкнул языком.

– В утиль?

Чёрный задумался, его пальцы забарабанили по броне на груди.

– Нет. На рынке продадим, кому-нибудь в шахты или на эксперименты пойдёт.

Меня отшвырнули назад, как ненужную тряпку.

Я упала на колени, потирая ушибленную руку.

Отравлена?

Это они наверно про опухоль.

В ушах зазвенело, мир поплыл перед глазами.

Чёрный ушёл, бросив через плечо:

– Подготовить к аукциону.

Серые схватили девушек, потащили к выходу.

Рыжая вырвалась, начала царапать одного.

– Нет! Отстаньте! Я не поеду!

Один из серых вздохнул – удивительно человеческий звук – и достал странный цилиндр.

Щелчок – и тело рыжей обмякло, как тряпичная кукла.

– Успокоительное, – пробормотал он, перекидывая её через плечо.

Дошла очередь до меня.

Я не сопротивлялась.

Не сейчас.

Меня грубо схватили за руку и потащили по длинному коридору. Стены вокруг были металлическими, с выступающими трубами. Воздух гудел от работы систем.

Где-то внизу, сквозь палубу, ощущалась мощная вибрация двигателей.

Корабль.

Работоторговцы.

Аукцион.

Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как сердце стучит прямо в горле.

И пообещала себе, что не умру. Я буду бороться.

Глава 3

Меня разбудил резкий толчок вбок.

– Вставай, мусор. Твоя очередь.

Голос охранника прозвучал прямо над ухом, заставляя вздрогнуть. Я открыла глаза, ощущая, как каждая мышца в теле ноет от неудобной позы. Всю ночь мы просидели, прикованные к холодной стене короткими цепями, едва позволявшими шевелиться. Воздух в помещении был спёртым, пропитанным запахом пота, страха и чем-то металлическим – возможно, кровью на полу.

Серый стражник щёлкнул длинными когтями прямо перед моим лицом, заставляя вскочить. Замки на наручниках щёлкнули, цепи упали на пол с глухим лязгом. Ноги, затёкшие от долгого сидения, подкашивались, но сильный толчок в спину заставил сделать первый шаг.

– Вперёд, – прошипел охранник, и его холодная ладонь снова толкнула меня между лопаток.

Мы двигались по узкому коридору, освещённому тусклыми синими лампами, встроенными в потолок. Стены были покрыты странными царапинами – возможно, следами от когтей предыдущих пленников. Впереди, в конце туннеля, виднелся прямоугольникослепительного дневного света.

Когда я вышла наружу, солнце ударило в глаза, как раскалённый нож. Я инстинктивно зажмурилась, подняв руку, чтобы защитить лицо, но один из охранников грубо отдернул мою конечность.

– Двигайся, брак, – прошипел он, снова толкая меня вперёд.

Я споткнулась о неровный камень под ногами и чуть не упала. Грубые руки тут же подхватили меня, не из сострадания, а чтобы не испортить «товар». Воздух здесь был густым, насыщенным десятками противоречивых запахов – жареного мяса неизвестного происхождения, острых специй, сладковатой гнили и чего-то кислого, как будто весь рынок за годы существования пропитался потом, кровью и отчаянием.

И он был огромен.

Торговые ряды растянулись, насколько хватало глаз, сливаясь с горизонтом. Под разноцветными тентами из пёстрой ткани, колышущимися на горячем ветру, толпились существа всех мыслимых форм и расцветок. Одни напоминали гигантских насекомых с переливающимися хитиновыми панцирями, их многочисленные глаза блестели, как полированный обсидиан. Другие выглядели как человекообразные ящеры с чешуйчатой кожей всех оттенков зелёного и синего. Третьи вообще не поддавались описанию – мелькали щупальца, дополнительные конечности, глаза в самых неожиданных местах.

Кто-то торговал оружием – странными устройствами, напоминающими то ли пистолеты, то ли хирургические инструменты. На других прилавках лежали фрукты невероятных форм, некоторые пульсировали, как живые. Один торговец демонстрировал сосуды с полупрозрачными существами, плавающими в розовой жидкости.

Но наш «живой поезд» из двадцати девушек двигался в определённый сектор – туда, где на каменных подиумах стояли клетки разного размера, а в воздухе висел особенно густой запах страха.

– Рабский квартал, – прошептала Тали, та самая рыжая, которую оглушили на корабле. Теперь она шла рядом, бледная, с тёмными кругами под глазами, но держалась на ногах. – Видишь чипы у них за ушами? – она едва заметно кивнула в сторону группы существ, осматривающих товар. – Это переводчики. Нам вкололи при погрузке.

Я машинально потянулась к своему уху и нащупала крошечный бугорок под кожей. При нажатии сквозь чип в мозг просочилась волна странных ощущений – будто кто-то вставил в голову кусок льда.

Нас построили в неровную линию перед низким подиумом из тёмного камня. Охранник в чёрной униформе, отличавшейся от серых костюмов обычных стражников, вышел вперёд и начал что-то кричать на всеобщем языке:

– Свежий товар! Здоровые особи! Землянки, келларианки, три с Сириуса-5! Каждая проверена, каждая готова к службе!

Девушек одну за другой ставили на возвышение. Некоторых переодели в полупрозрачные шелка, подчёркивающие каждую линию тела. Другим надели ошейники с голограммами, проецирующими какие-то данные – видимо, «технические характеристики».

А я...

Я осталась в той же больничной рубашке, в которой меня похитили. За ночь ткань успела покрыться новыми пятнами, один рукав был разорван до локтя. Босые ноги, покрытые пылью и мелкими царапинами, выглядели особенно жалко на фоне «подготовленных» девушек.

– Эту – дешево! – охранник толкнул меня вперёд так резко, что я едва удержалась на ногах. – Брак по здоровью, но для рудников или опытов сойдёт!

Покупатели начали подходить, оценивая разглядывая «товар».

Первыми были зурриты – низкорослые существа с кожей цвета заплесневелого апельсина и слишком длинными пальцами. Один из них, украшенный множеством золотых колец, ткнул мне в грудь небольшим сканером. Прибор пискнул, выдавая красный свет.

– Слабовата, – фыркнул он, переходя к следующей девушке. – Сердцебиение неровное.

Затем подошли ксарги – массивные, как земные быки, с кожей цвета ржавчины и маленькими, глубоко посаженными глазами. Они обходили нас, нюхая, как скот на аукционе. Один, с особенно толстой шеей, покрытой шрамами, остановился передо мной.

– Эту – для рудников Гамма-7, – сказал он, тыкая в меня тупым когтем.

Торговец, стоявший рядом, недовольно фыркнул:

– Брак. Только для опытов.

Ксарг что-то недовольно пробурчал и отошёл.

Следующими были зурриты другого клана – похожие на гибких обезьян, но в расшитых золотом накидках. Самка с ярко-красными глазами долго разглядывала меня, затем неожиданно дотронулась до волос.

– Слишком худая, – цокала она языком, – но глаза... необычные.

Её спутник что-то прошептал на их родном языке, и они отошли, явно не видя во мне ценности.

Самым страшным моментом стало появление дро'аков – существ в тяжёлых доспехах, с полностью скрытыми лицами. Они выбрали Тали. Когда её уводили, рыжая успела обернуться и шепнуть:

– Выживи.

Я осталась одна, чувствуя, как подкашиваются ноги. Жара становилась невыносимой, в горле пересохло, а в голове пульсировала боль.

И тогда появился он.

Человекоподобный, но явно не человек. Высокий – на голову выше меня, в тёмном плаще с капюшоном, скрывающем лицо. Только руки выдавали его природу – с шестью длинными пальцами, покрытыми мелкими голубоватыми чешуйками, переливающимися на солнце.

Он подошёл прямо ко мне, игнорируя остальных девушек.

– Сколько? – спросил он, и его голос звучал довольно женственно.

Торговец, мгновенно изменившись в лице, выпрямился:

– Пятьдесят ксилотов, господин.

Покупатель фыркнул и покачал головой:

– Она стоит не больше двадцати.

– Не вам решать, сколько она стоит! – торговец попытался сохранить напускную уверенность, но в его голосе появились нотки неуверенности.

Голубокожий незнакомец повернулся, как будто собираясь уйти:

– Тогда вы её не продадите. А к вечеру она умрёт от жажды. Так что либо двадцать, либо я уйду.

Торговец колебался меньше минуты.

– Ладно! Двадцать!

Холодные пальцы голубокожего сжали моё запястье. Я вздрогнула, но не стала сопротивляться.

– Ты теперь моя, – сказал он, и в его голосе было что-то, заставившее меня поднять глаза.

Торговец засмеялся, обращаясь ко мне:

– Тебе повезло, мусор. Тебя купил Кей'нар.

Я не знала, радоваться мне этому или нет, но если мне перед смертью удастся попить воды и посидеть в тени, я была бы намного счастливее, чем подышать от жары на этом вонючем рынке.

Мир вокруг поплыл, когда он накрыл мне голову куском плотной ткани.

Последнее, что я почувствовала, прежде чем сознание начало ускользать – его руку на своей спине, ведущую меня прочь от подиума...

Глава 4

Ткань с головы сдёрнули резким движением. Я зажмурилась от внезапного света, но тут же заставила себя открыть глаза.

Клетка.

Небольшая, металлическая, с толстыми прутьями, но... чистая. В углу даже лежало что-то вроде подстилки – не мягкой, но и не голый металл. На корабле работоторговцев нас держали в грязи и на холодном полу. Здесь же пахло... стерильно. Как в больнице.

Как в той палате, где мне объявили диагноз.

Шаги.

Я подняла голову.

Перед клеткой стоял он – Кей'нар. Капюшон был сброшен, и теперь я видела его полностью.

Высокий, почти два метра, с бледно-голубой кожей, покрытой мелкими переливающимися чешуйками, которые мерцали при каждом его движении, словно он весь был сделан из какого-то драгоценного минерала. Лицо вытянутое, с острыми скулами и тонкими губами почти без цвета. Но больше всего поражали глаза – серебристые, без зрачков, как ртутные шарики, в которых отражалось моё искажённое от страха лицо.

И он... разговаривал сам с собой.

– ...да, именно этот образец, – бормотал он, расхаживая по каюте. Его длинные шестипалые руки нервно перебирали какие-то инструменты на столе. – Нет, не смотрите на показатели, смотрите на потенциал.

Я прижалась к дальней стенке клетки, чувствуя, как холодный металл впивается в спину.

– ...удаление займёт не больше часа, но сначала нужно стабилизировать...

Удаление?

– Эй! – хрипло крикнула я, хватаясь за прутья. Я с силой сжали их, пытаясь разогнуть, но они даже не изогнулись.

Он обернулся, словно забыл, что я здесь. Серебристые глаза сузились, когда он заметил моё состояние.

– А, ты уже пришла в себя. Хорошо.

– Что ты собираешься со мной делать? – мой голос дрожал, но я старалась говорить уверенно, с наездом, чтобы не выдать ему свой страх.

Кей'нар наклонился, его длинные пальцы обхватили прутья.

– Спасать тебе жизнь, землянка. Твой мозг пожирает даконский паразит. Если его не извлечь – через месяц, в лучшем случае, ты превратишься в овощ.

Я отпрянула, как от удара. Опухоль? Паразит?

– Врёшь!

Он вдруг засмеялся – странно, почти по-человечески, но в этом смехе не было ни капли тепла.

– О, если бы я хотел тебя убить, я бы просто оставил тебя на том рынке. – Он повернулся к столу, где лежали странные инструменты, некоторые напоминали хирургические, другие выглядели как нечто из научно-фантастического фильма. – Подготовься. Операция через час.

– Я не...

– Ах да, – он обернулся, и в его глазах вспыхнуло что-то безумное. – Ты же не согласна. Как мило. А мне всё равно.

Он вышел. Перегородка с тихим шипением закрылась за ним, оставив меня одну с мыслями, пугающими сильнее, чем его безумное бормотание.

Он или спаситель... или самый страшный кошмар.

Но выбирать не приходилось.

Время тянулось мучительно медленно. Я методично проверяла каждый сантиметр клетки – прутья, замок, даже пыталась открутить болты подстилки. Бесполезно. Кей'нар явно привык держать ценный «груз» под замком.

Когда дверь открылась снова, я уже ждала его, прижавшись в угол, как загнанный зверь.

Кей'нар вошёл с каким-то прибором в руках – небольшой коробочкой с мигающими огоньками. Его серебристые глаза скользнули по мне, будто я уже лежала на его столе, вскрытая и изученная.

– Не шевелись, – сказал он, и в его голосе не было угрозы. Только равнодушный холод.

Я рванулась вперёд, когда он открыл клетку, но он был быстрее. Острая боль в шее – и мир поплыл. Тело стало ватным, ноги подкосились, но сознание... сознание оставалось кристально ясным.

– Н-не... – язык не слушался, слова распадались на слоги.

– Миорелаксант, – пояснил он, подхватывая меня на руки. Его прикосновение было холодным, как металл стола, на который он меня уложил. – Я не варвар, чтобы резать дёргающуюся дичь.

Стол.

Холодный металл.

Ремни на запястьях, щёлкающие с пугающей окончательностью.

Ещё один – поверх лба, фиксируя голову так, что я могла только моргать, глотая комок ужаса, когда он накрыл меня стерильной простыней, оставив открытой только голову.

– Начнём, – пробормотал он, и его пальцы коснулись моего виска.

И начал говорить.

Сначала я думала – со мной. Потом поняла – нет.

Он разговаривал сам с собой, как профессор, ведущий лекцию для невидимых студентов.

– ...рабы-земляне – дешёвый товар, а стоимость вам может добавить вот такой замечательный дакончик, но этот экземпляр... – бритва зажужжала у виска, холодное лезвие скользнуло по коже. Я чувствовала, как волосы падают на стол. – ...если бы кто-то знал, что опухоль – это стадия внедрения дакона... – что-то щёлкнуло, будто включалось устройство.

Я ждала боли. Но было только странное давление где-то внутри черепа, как будто кто-то копался у меня в голове ложкой.

– ...земные врачи режут наугад, а щупальца остаются... – его голос стал сосредоточеннее.

– ...вот главный узел... немного желдоновой кислоты, они её ой как не любят... а теперь нужно отсоединить аккуратно...

В ушах зазвенело.

И вдруг – тишина.

Не просто отсутствие звука. А пустота, которая раньше была заполнена... чем-то. Головная боль, мучившая меня месяцами, исчезла. Я даже уже забыла, каково это – жить без боли. Она стала моим постоянным спутником.

А теперь её не стало. Словно кто-то взмахнул волшебной палочкой и она исчезла.

– Идеально, – прошептал Кей'нар.

Я увидела его руку с пинцетом. На конце – нечто, похожее на стеклянного спрута с десятком тонких, переливающихся щупалец. Оно слабо дёргалось, будто пытаясь уцепиться за воздух.

– Настоящая ценность, – он повертел дакона перед светом, затем опустил в прозрачный контейнер, где существо забилося, ударяясь о стенки. – Такой редкий экземпляр. Почти не повреждённый.

Потом наклонился ко мне, и впервые за всё время его лицо выражало что-то, кроме холодного интереса.

– И тебя, землянка, теперь можно продать вдесятеро дороже. Ведь он тебя сделал уникальной. Но сначала... – он провёл сканером у моей головы, и прибор запищал зелёным. – ...тебе нужно восстановиться.

Он повернулся к столику с инструментами, снова забормотал что-то о «регенерации нейронов» и «адаптационном периоде».

А я лежала, пристёгнутая к столу, и думала только одно:

Он спас мне жизнь.

Чтобы продать подороже.

И всё же я была ему сейчас благодарна.

Глава 5

Прошло две недели с тех пор, как из моей головы извлекли того самого «дакона». Четырнадцать дней я провела в этой лаборатории, изучая каждый её уголок, каждую трещинку на потолке, каждое пятнышко на полу.

После операции всё изменилось. Кей'нар, который прежде не сводил с меня своих ртутных глаз, теперь почти не обращал на меня внимания. Он ходил по лаборатории, бормоча себе под нос, что-то записывая в голографический журнал. Я стала для него... отработанным материалом. Товаром, ожидающим продажи.

Его помощник, которого он называл Зи'том, был таким же голубокожим, но на голову ниже и вдвое худее. Если Кей'нар напоминал статую из драгоценного камня, то Зи'том больше походил на голодного ящера. И он явно недолюбливал меня.

– Вставай, мусор, – каждый день он будил меня этим, тыкая в бок каким-нибудь прибором. – Время измерений.

Первые дни я едва могла ходить. Голова кружилась, ноги подкашивались, будто я заново училась управлять своим телом. Но Кей'нар не ошибался – с каждым днём мне становилось лучше. Его лекарства работали, хоть он и давал их мне только потому, что «товар должен быть в хорошем состоянии».

Я узнала многое, просто слушая его бесконечные монологи. Мир, в который я попала, оказался куда сложнее, чем я могла представить.

Триумвират. Это слово повторялось чаще всего. Три правителя, но главным среди них был генерал Молот Заратуна, как его называли. У него был настоящий космический флот, способный стереть с лица галактики целые планеты. И сейчас, если верить обрывкам фраз Кей'нара, этот флот двигался к окраинам сектора – туда, где находился тот самый рынок, где меня купили.

– ...если Гар'Зул доберётся до Ахрарая... – бормотал Кей'нар, расставляя пробирки по стеллажу. – ...пираты разбегутся, как шел'ари при виде солнца...

Ахрарай. Окраина цивилизации. Место, где царили пираты и контрабандисты, где можно было купить или продать что угодно. Или кого угодно. Как меня.

Я сидела на своей койке (после операции меня перевели из клетки в небольшую каморку при лаборатории) и смотрела, как Зи'том возится с какими-то приборами. Он ловил мой взгляд и хмурился:

– Чего уставилась, мусор? Скоро тебя продадим, и слава Великому Заратуну.

Я не отвечала. За две недели научилась держать язык за зубами. Но в голове уже созрел план. Если флот Гар'Зула действительно идёт сюда... Возможно, это мой шанс.

Кей'нар вошёл в лабораторию, что-то бормоча под нос. Он взглянул на меня, потом на сканер в руках Зи'тома.

– Показатели?

– В норме, господин, – почтительно ответил помощник. – Ещё неделя, и можно выставить на торги.

Кей'нар кивнул и прошёл мимо, даже не взглянув на меня. Я была для него уже не пациентом, не живым существом – просто товаром, ожидающим своей очереди на продажу.

Но я не собиралась становиться чьей-то собственностью. Ни Кей'нара, ни этого загадочного Гар'Зула.

– Вставай, мусор. День большой продажи.

Голос Зи'тома прорвался сквозь сон, как лезвие сквозь кожу. Я резко открыла глаза. Помощник Кей'нара стоял над моей койкой, держа в руках какой-то прибор.

– Сегодня? – я села, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. – Ты же говорил, через неделю...

– Кей'нар сказал – сегодня. – Зи'том схватил меня за руку и потянул вставать. – Флот Гар'Зула уже на подходе. Надо успеть продать тебя до того, как рынок закроют.

Он толкнул меня в сторону душевой кабины – маленькой, металлической, но с настоящей горячей водой.

– Мойся. Быстро.

Я вошла внутрь, и когда струи воды хлынули на кожу, мне вдруг захотелось плакать. Впервые за две недели я чувствовала себя чистой. Настоящее мыло, пена, тепло, смывающее с тела пот, грязь и запах лекарств. Я закрыла глаза, на несколько секунд представив, что нахожусь дома, в своей ванной, что за дверью – не космический корабль, а моя квартира...

– Давай быстрее! – крикнул Зи'том, стуча по двери.

Я вышла, вытерлась грубым, но чистым полотенцем. Кожа под пальцами была розовой, почти человеческой.

– Надень это. – Помощник указал на платье, висящее на стеллаже.

Я подошла ближе.

Оно было... красивым.

Длинное, тёмно-синее, расшитое мелкими камнями, которые мерцали, как звёзды. Тонкие бретели, пояс, подчёркивающий талию. Я не носила ничего подобного даже на Земле.

– Это... для меня?

Зи'том фыркнул:

– Чтобы подняли цену. Теперь ты не больная землянка, а экзотический товар.

Я надела платье. Ткань оказалась мягкой, почти невесомой. В зеркале я увидела чужую девушку – не измождённую пленницу, а кого-то... ценного.

– Идём.

Меня вывели из лаборатории, но вместо клетки ждал мешок.

– Не дёргайся, – пробормотал Зи'том, натягивая его на голову.

На этот раз они обращались со мной аккуратнее – никаких толчков, никаких грубых хватаний. Товар должен быть в идеальном состоянии.

Корабль Кей'нара был небольшим, но быстрым. Я сидела в темноте, чувствуя, как лёгкая вибрация двигателей проходит сквозь пол.

А потом – шаги, руки, которые подхватили меня, запах пыли и чужих специй.

Мешок сняли.

Я зажмурилась от яркого света, а когда открыла глаза – увидела его.

Рынок.

Тот самый.

Но теперь я стояла не в грязной больничной рубашке, а в сияющем платье, с чистой кожей и здоровой головой.

И вокруг – десятки глаз, смотрящих на меня.

– Выставляйте её, – раздался голос Кей'нара. – Начинаем торги.

Я подняла голову и, подняв подбородок, посмотрела на глазающих инопланетян.

«Ну кто осмелится?» – бросила в толпу немой вызов.

И, кажется, они это почувствовали. Никто не решался подойти к землянке, которая стояла тысячу ксилотов.

Мы простояли до самого вечера. Ноги болели, голову напекло, а моя белая кожа точно сгорела. Кейнар не додумался даже прикрыть меня хоть полоской ткани. Я хотела пить и есть, но всё же хотелось пить больше.

– Да, эта подойдёт.

Голос прозвучал сверху, бесстрастный и твёрдый. Я не подняла глаз – зачем? Всё равно увижу лишь ещё одного покупателя, разглядывающего меня, как вещь.

Но этот был не похож на обычных торговцев.

Сквозь опущенные ресницы я различила чёрный мундир с серебряными галактическими шевронами, теперь я знала, это офицер Триумвирата. Высокий, с жёстким, как скала, лицом, он медленно обошёл меня по кругу, будто осматривал оружие перед покупкой. Его пальцы – в чёрных перчатках – грубо взяли меня за подбородок, заставив поднять голову.

– Не испуганная. Это редкость, – пробормотал он, изучая моё лицо. – И глаза... Интересные.

– Происхождение? – спросил офицер, не отпуская моего подбородка.

– Безродная землянка. Но чистокровная, без модификаций, – поспешно ответил Кей'нар.

– И послушная.

Я едва не фыркнула. Послушная.

Офицер нахмурился.

– Сколько?

– Для капитана Заратуна – тысяча ксилотов или тридцать тысяч кристаллов, смотря в какой валюте вам удобнее расплатиться.

Он хмыкнул, доставая кредитный чип.

– Генерал Гар'Зул ценит... неожиданные подарки.

Капитан бросил на меня последний оценивающий взгляд.

– Приведите её в порядок. Генерал не любит грязь.

Когда его шаги затихли, я, наконец, перевела дух. Единственное, о чём я сейчас могла думать – мне, наконец, дадут воды и отдохнуть.

Вот тогда я и подумаю, что делать дальше.

Глава 6

Тысяча ксилотов. Цена моей свободы. Или того, что от неё осталось.

Капитан, чьё имя я так и не услышала, кивнул Кей'нару, и тот почтительно склонил голову.

Деньги были переведены мгновенно – я увидела, как на экране портативного устройства Кей'нара вспыхнула зелёная полоса подтверждения.

Сделка состоялась.

Меня больше не выставляли на всеобщее обозрение. Зи'том, скрипя зубами, отвёл меня под навес одного из торговых рядов, где пахло специями и жареным мясом.

– Сиди здесь. Не двигайся, – бросил он, пристёгивая мою ногу цепью к тяжёлой металлической балке.

Но он принёс воду.

Глиняная кружка, прохладная, чуть мутная жидкость. Я пила жадно, с жадностью, которой сама в себе не знала. Вода казалась нектаром, хотя на вкус была металлической и отдавала чем-то минеральным.

Пока я пила, наблюдала за рынком. Суэта нарастала. Доносились обрывки тревожных разговоров на всеобщем языке, который я теперь понимала благодаря чипу.

«...флот уже в системе...»

«...Гар'Зул не шутит...»

«...закрывают порт до рассвета...»

Торговцы спешно сворачивали лавки, грузили ящики на тележки. Покупатели, ещё несколько минут назад неторопливо торговавшиеся, теперь хватали товар почти не глядя и быстро удалялись. В воздухе висело напряжение, предчувствие бури.

Капитан вернулся через некоторое время не один. С ним были двое солдат в такой же чёрной форме, но с менее сложными нашивками. Их лица были скрыты шлемами с затемнёнными визорами.

– Это она? – один из них кивнул в мою сторону. Голос был механическим, искажённым вокодером.

– Она, – подтвердил капитан. – Контрольный сканер.

Один из солдат направил на меня устройство, похожее на пистолет. Раздался короткий звуковой сигнал.

– Чиста. Следов заболеваний и имплантов, кроме стандартного переводчика, нет.

– Хм, – капитан внимательно посмотрел на меня.

Его взгляд был тяжёлым, оценивающим.

«Неплохо» – почудилось мне.

Или это была лишь игра света?

– Отцепите её. Проведите в карантинную зону. Генерал не терпит заразы.

Цепь с ноги сняли. Солдаты взяли меня под руки, но не грубо, а скорее, твёрдо и методично, как отработанный годами ритуал.

Они повели меня прочь от шумного рынка, вглубь портовой зоны.

Я шла, не оглядываясь на Кей'нара. Не было в этом смысла. Я была его товаром, и он свой товар продал.

Наши пути разошлись.

Меня привели в низкое, но просторное здание из тёмного камня. Внутри пахло озоном и чем-то едким, дезинфицирующим. Здесь было тихо и пустынно, особенно по сравнению с рыночным гамом.

– Жди, – коротко бросил один из солдат, указывая на скамью у стены. – С тобой разберутся.

Они ушли, заперев массивную дверь. Я осталась одна в полумраке карантинного блока. Я сжала кулаки, чувствуя, как по телу разливается странная смесь страха и надежды.

Генерал Гар'Зул. Молот Заратуна.

Что он за существо?

И что он захочет от простой землянки?

Мои мысли прервал противный сигнал, лампочка на потолке загорелась, на противоположной стене открылась дверь.

Дезинфекция оказалась быстрой и безжалостной. Когда я зашла в круглую белую камеру, с потолка и стен ударили струи едкого голубого тумана.

Он обжигал кожу, щипал глаза, оставляя во рту металлический привкус. Я зажмурилась и задержала дыхание, чувствуя, как по телу бегут мурашки. Через несколько секунд всё закончилось. Воздух очистился, пах теперь лишь стерильной пустотой.

Затем последовала телепортация.

Это было непохоже ни на что из моего опыта.

Не движение, а... исчезновение и мгновенное появление в другом месте.

На секунду мир распался на миллионы сверкающих точек, а затем снова собрался – но уже в другом помещении.

Я стояла в белой комнате с мягким светом, где меня уже ждали двое медиков в строгих униформах без опознавательных знаков.

Осмотр был тщательным и уничижительным.

Они брали кровь, сканировали каждый орган, изучали даже то, о чём я предпочла бы забыть.

Потом один из медиков направил на меня устройство, похожее на фен.

Тёплое свечение пробежало по моим ногам, затем в области бикини. Я вздрогнула, поняв, что волосы просто... исчезли.

Кожа стала идеально гладкой, будто их и не было никогда.

Потом другой медик (а может это такой стилист) занялся моими волосами. Короткие, едва отросшие после бритья у Кей'нара, они вдруг ожили, отрасли, завились в упругие локоны, которые уложили в аккуратную, но соблазнительную причёску, собрав их сзади, но оставив несколько прядей обрамлять лицо.

Мне принесли одежду. Лёгкие, струящиеся штаны из серебристой ткани и топ, расшитый тончайшим узором, напоминающим звёздную карту. Всё сидело идеально, будто сшито по мерке. Сверху накинули длинный плащ с капюшоном из плотного тёмно-синего материала, который переливался, как ночное небо.

Когда меня вывели к капитану, он осмотрел меня с ног до головы и одобрительно хмыкнул.

– Ну как? – он обратился к одному из своих солдат, стоявших по стойке «смирно». – Ты бы оценил такой подарок?

– Отличный подарок, капитан Карсо! Уверен, генералу понравится! – чётко и без колебаний ответил солдат.

– Вот и я надеюсь, а иначе...

Капитан повернулся ко мне, и его взгляд стал жёстким.

– Запомни, дикарка. Тебе выпала честь стать подарком нашему великому генералу. Относь к нему с почтением. Или ты пожалеешь... – он не договорил, но я всё поняла. По его тону, по холодной уверенности в голосе. Последствия неповиновения будут ужасны.

Мы пошли по длинным коридорам корабля. Он был огромен. Сводчатые потолки, стены из полированного металла с голографическими дисплеями, показывающими схемы, карты и непонятные данные.

Повсюду чувствовалась мощь, порядок и невероятные технологии. И в огромные иллюминаторы, встречавшиеся нам, был виден космос. Не чёрный и пустой, а живой – с россыпями звёзд, разноцветными туманностями и силуэтами других кораблей флота, таких же громадных и грозных.

Наконец, мы подошли к массивным дверям, которые бесшумно раздвинулись, пропуская нас в огромный зал.

Зал был полон народа – офицеры в мундирах, технический персонал, солдаты – все замерли при нашем появлении. Разговоры стихли, взгляды устремились на нас. Толпа расступилась, образуя живой коридор.

Капитан прошёл в центр зала, к высокому мужчине, стоявшему спиной к нам. Когда тот обернулся, у меня перехватило дыхание.

Генерал Гар'Зул.

Он был высок, даже выше капитана. Широкие плечи, мощная грудная клетка, подчёркнутая идеально сидящим тёмным мундиром с серебряными эполетами и множеством наград. Длинные тёмные волосы, отливающие синевой, были собраны в низкий хвост, открывая строгие, резкие черты лица. Смуглая кожа, прямой нос, упрямый подбородок. Но больше всего – его глаза. Тёмные, почти чёрные, они смотрели из-под густых бровей с такой силой и властью, что по спине пробежал холодок. В них читался не просто ум, а тяжёлая, неумолимая воля, привыкшая повелевать и разрушать.

Капитан отсалютовал.

Капитан остановился перед ним, вытянулся в струнку и отдал честь, но не строгую, а скорее торжественную.

– Ваше превосходительство! Поздравляю с днём рождения! – его голос громко прозвучал в наступившей тишине. – И позвольте преподнести скромный дар. Не в знак лести, а как диковинку с далёкого края Галактики, достойную занять место в вашей коллекции редкостей.

Он сделал шаг в сторону, открывая меня взгляду генерала.

– Землянка. Дикарка. Не тронута цивилизацией, не испорчена рабскими рынками. Чистый образец, добытый с риском для жизни моими людьми. Уникальный артефакт живой природы, который, я уверен, сможет развлечь вас в редкие часы досуга.

Гар'Зул медленно перевёл свой взгляд с капитана на меня. Его глаза, холодные и всевидящие, скользнули по моей фигуре, скрытой плащом, остановились на лице. В них не было ни любопытства, ни восхищения – лишь холодная констатация факта. Прибыл новый объект.

Я замерла, чувствуя, как под этим взглядом учащается пульс. Этот человек был олицетворением силы, которой я противостоять не могла. И в то же время... что-то щемящее и опасное шевельнулось внутри.

Он не сказал ни слова. Просто кивнул, коротко и ясно, и его внимание вернулось к капитану.

Я была представлена. Осмотрена. Принята.

Теперь я принадлежала ему.

Глава 7

После того как генерал кивнул, капитан Карсо жестом подозвал кого-то из толпы. Из-за спин офицеров вышла невысокая фигура в простом сером одеянии. Приблизившись, я разглядела женщину... или существо, её напоминающее. Её кожа была бледно-сиреневого оттенка и испещрена тонкой сетью морщин, словно старый пергамент. Но больше всего поражали три больших глаза цвета тёмного аметиста, смотрящие на меня с бездонным, невозмутимым спокойствием.

– Зира'ал, – капитан кивнул в её сторону. – Отведи дикарку в покои генерала. Объясни, как не навлечь на себя гнев.

Трёхглазая женщина молча склонила голову, а затем жестом велела следовать за собой. Её движения были плавными и беззвучными, будто она парила над полом, а не шла.

Мы шли по бесшумным коридорам, устланным мягкими тёмными коврами. Стены здесь были не из холодного металла, а из тёплого, отполированного дерева какого-то незнакомого мне вида, испещрённого серебряными прожилками. Воздух пахнет не озоном, а чем-то терпким и древесным, с лёгкой нотой неизвестных цветов.

Зира'ал остановилась перед высокой аркой, затянутой струящейся тканью, переливающейся, как крыло стрекозы. Она обернулась ко мне, и все три её глаза сфокусировались на моём лице.

– Слушай, – её голос был низким, хриловатым, словно скрип старого дерева. – Твоя жизнь теперь зависит от одного: понимать его молчание.

Она откинула ткань, пропуская меня внутрь. Покои были огромными, но почти пустынными. В центре – низкая широкая платформа, застеленная мехами и тканями. У одной стены – простой рабочий стол с голографическими экранами. У другой – стеллажи с книгами не на цифровых панелях, а на настоящей бумаге, и странные артефакты в стеклянных кубах. Огромное окно-иллюминатор открывало вид на бескрайний космос.

– Если хозяин войдёт и пройдёт мимо, не глядя, – продолжила Зира'ал, – ты делаешь низкий поклон и тихо уходишь в свою нишу. – Она указала на небольшое углубление в стене, задрапированное тканями, с низкой лежанкой внутри. – Не мешай. Он не для тебя сейчас.

– А если нет? – спросила я, и мой голос прозвучал неуверенно в этой торжественной тишине.

Три аметистовых глаза изучали меня с новым интересом.

– Если нет... то он проявил интерес. Тогда всё зависит от тебя. От того, насколько ты умна и наблюдательна. Поймёшь, чего он хочет – выживешь. Нет... – она пожала узкими плечами. – Знаешь, как обращаются с ненужными вещами?

Я молчала, сжимая руки в кулаках под плащом.

– У тебя были мужчины, дикарка? – вдруг спросила она, и в её голосе прозвучала странная нота – не насмешка, а скорее любопытство.

Жар ударил мне в лицо. На Земле мне было бы стыдно признаться в своей неопытности в тридцать лет. Среди моих знакомых и коллег, никто и недогадывался.

Здесь же этот вопрос звучал иначе – как оценка товара.

– Нет, – тихо выдохнула я.

Зира'ал издала мягкий, скрипучий звук, похожий на смех.

– Непорченная. Чистая. Хозяин оценит. – Один из её глаз, тот, что посередине, подмигнул мне с непередаваемой инопланетной игривостью. – Он ценит... уникальность. И терпеть не может, когда его вещи трогали чужие руки.

Она сделала шаг к выходу, но задержалась в арке.

– Меня зовут Зира'ал. Я смотрительница этих покоев. Если выживешь – найдёшь меня. Если нет... – она снова пожала плечами и бесшумно скользнула за занавес, оставив меня одну в огромной, безмолвной комнате.

Я осталась стоять посреди покоев генерала Гар'Зула, в платье, которое вдруг показалось мне нелепым и ненужным. Я была подарком. Диковинкой. «Не порченной» вещью.

Я подошла к иллюминатору и прижалась лбом к прохладному, невидимому стеклу. Звёзды горели внизу, такие же холодные и далёкие, как взгляд нового хозяина.

«Выживешь», – прошептала я самой себе. Если после дакона выжила, то встреча с генералом вряд ли будет страшнее.

Прошло пять часов. Может, больше.

Я отсчитывала каждую минуту, сидя на краю той самой широкой платформы в центре покоев.

Ждать было мучительно.

Я изучила комнату вдоль и поперёк.

Подошла к арке, ведущей в коридор.

Никаких видимых панелей, кнопок, сканеров. Лишь гладкая стена по бокам от проёма.

Я приложила ладонь – ничего. Попыталась отодвинуть тяжёлую ткань – за ней оказалась массивная каменная плита, бесшумно и плотно закрывающая проход.

Побег здесь был невозможен.

Окно?

Огромное, от пола до потолка, показывающее бездну космоса.

Даже если бы оно открылось, что маловероятно, сбежать через него означало бы неминуемую смерть.

Мне принесли еду. Та же безмолвная служанка, что и в медблоке, оставила на низком столике поднос с незнакомыми фруктами, похожими на персики с фиолетовой кожурой, и кувшин с той же металлической водой.

Я ела механически, почти не чувствуя вкуса. Нервы заставляли сердце биться неровно.

Усталость от пережитого за день, от постоянного страха, начала брать своё. Веки становились тяжёлыми. Глаза слипались. Вспомнив слова Зира'ал, я попыталась бороться со сном. «Дождись его. Поклонись. Уйди».

Но что было бы, если бы я его не дождалась? Гнев? Наказание? В моём измождённом состоянии это казалось менее страшным, чем необходимость сейчас, сию секунду, встретиться с ним лицом к лицу.

В итоге я сдалась.

Забралась в свою нишу – ту самую каморку в стене, задёрнула тяжёлые ткани и, свернувшись калачиком на упругой лежанке, провалилась в тревожный, прерывистый сон.

Мне снилась Земля. Безоблачное небо, тёплый ветер, шелест листьев... и нарастающий гул, который заглушал всё...

Я проснулась от ощущения, что на меня смотрят.

Тишина в покоях была абсолютной, но в воздухе висело присутствие. Чужое, мощное, незванное. Я замерла, не открывая глаз, стараясь дышать ровно, притворяясь спящей. Но сердце бешено колотилось где-то в горле.

Медленно, преодолевая внутренний ужас, я приподняла веки.

В проёме моей ниши, задрапированной тканью, стоял Он.

Генерал Гар'Зул.

Он снял парадный мундир, остался в простых чёрных штанах и свободной рубашке из тёмного шёлка, расстёгнутой на груди. Длинные волосы были распущены и тяжёлой волной спадали на плечи. Он стоял неподвижно, скрестив мощные руки на груди, и смотрел. Его тёмный, тяжёлый взгляд скользил по моей фигуре, растрёпанным волосам, разметавшимся по подушке, запрокинутому лицу с приоткрытым от сна ртом.

В его глазах не было гнева. Не было и желания. Была лишь всепоглощающая, хищная концентрация. Изучение. Анализ. Так смотрят на новую, сложную карту местности перед битвой. Или на неизвестный артефакт, назначение которого ещё предстоит разгадать.

Мы молчали. Он – потому что не счёл нужным говорить. Я – потому что от страха и неожиданности полностью потеряла дар речи. Все наставления Зира'ал вылетели из головы. Я могла только лежать и смотреть в эти бездонные глаза, в которых отражался тусклый свет далёких звёзд из иллюминатора.

Он не двигался. Не делал ни шага вперёд. Он просто доминировал своим молчаливым присутствием, заполняя собой всё пространство моей скромной ниши, весь воздух вокруг. Я поняла свою ошибку. Я не должна была спать. Я должна была ждать. Теперь я была не просто подарком. Я была непослушным подарком.

И он решал, что со мной делать дальше.

Глава 8

Прошла минута. Или десять. В этой тишине счёт времени потерял смысл.

И вот его губы, тонкие и твёрдо очерченные, едва заметно дрогнули.

Не улыбка.

Скорее, намёк на мысль, промелькнувшую за непроницаемым фасадом.

– Ты спала, – произнёс он наконец. Его голос был тихим, низким, без единой ноты упрёка или интереса. Он констатировал факт. Сухой, обезличенный, как отчёт о состоянии звёздного крейсера.

Мой собственный голос застрял где-то глубоко в горле, сжатый тисками страха. Я смогла лишь кивнуть, коротко и резко, чувствуя, как по спине пробегает холодный пот.

Он медленно, с хищной грацией, отклонился от косяка, выпрямившись во весь свой внушительный рост. Он был ещё больше здесь, в ограниченном пространстве моей ниши, заставляя потолок, казаться ниже, а стены – теснее.

– Встань, – скомандовал он всё тем же ровным, бесстрастным тоном.

Я двинулась, будто на ходулях, тело одеревенело от напряжения. Спрыгнула с лежанки, постаравшись встать как можно прямее, отчаянно пытаясь вспомнить наставления Зира'ал. Поклон? Сейчас? Или уже поздно?

Он окинул меня медленным, оценивающим взглядом с ног до головы, будто проверяя боевую единицу перед построением. Его взгляд задержался на моих босых ногах, на моих руках, бессознательно сжатых в кулаки.

– Ты понимаешь меня? – спросил он.

На этот раз я нашла в себе силы ответить. Голос мой прозвучал хрипло и предательски дрожал:

Я кивнула.

– Чип... Переводчик.

– Боишься?

– Немного.

Он прищурился.

– Страх – это разумно. Глупость ведёт к гибели. – Он сделал шаг назад, освобождая проход. – Выйди.

Я послушно вышла из ниши в основное пространство покоев, чувствуя, как его взгляд следует за мной.

Он двинулся к своему рабочему столу, к голографическим экранам, мерцающим спокойным синим светом.

– Твоё присутствие здесь – обычное желание одного из моих капитанов выслужиться передо мной, – сказал он, не глядя на меня, пальцы пробежали по поверхности стола, активируя какие-то схемы. – Я не коллекционирую... диковинки.

Сердце упало. Это было оно? Окончательный приговор? Я «Ненужная вещь»? Хотя какая разница, я уже привыкла. Наоборот, хорошо. Может, просто отпустит, раз я ему не нужна.

– Но, – он обернулся, и его взгляд снова впился в меня, – раз уж ты здесь, ты будешь полезной. Я не терплю бесполезности.

Он указал на низкий столик, на котором стоял стеклянный кувшин.

– Налей.

Приказ был отдан так естественно, с такой непоколебимой уверенностью в повиновении, что я автоматически двинулась к столу. Руки дрожали, когда я взяла тяжёлый кувшин и налила темноватую жидкость в простую металлическую чашу. Я протянула её ему.

Он не взял. Он смотрел на то, как я это делала. Оценивал мои движения, мою покорность.
– Поставь на стол, – произнёс он.

Я повиновалась, едва сдерживаясь, чтобы не ответить что-нибудь резкое. Не для того я выжила, чтобы кому-то прислуживать. Даже если это генерал. Но я понимала, что конфликтовать с первого дня не лучшая затея. Сначала надо было всё узнать и разведать, а потом... потом бежать.

Он медленно приблизился, взял чашу, отпил один глоток, его глаза не отрывались от меня.

– Хм. – Он поставил чашу. – Зира'ал проинструктировала тебя?

– Она... сказала ждать. И... уйти, если вы пройдёте мимо.

На его губах снова промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее усмешку.

– Она знает мои привычки. Но сегодня... сегодня я решил нарушить привычный порядок.

Он повернулся спиной ко мне, и его пальцы ловко расстегнули оставшиеся пуговицы на шелковой рубашке. Ткань бесшумно соскользнула с его широких плеч, и он, не оборачиваясь, бросил её на ближайшее кресло. Затем он прошёл мимо меня, запах его кожи – чистый, с лёгкой горьковатой нотой чего-то древесного и оружия – на мгновение ударил мне в нос.

Он лёг на живот на широкую платформу, застеленную мехами, сложив руки под головой. Мышцы на его спине играли под кожей при движении, и теперь, при свете тусклых ламп, я увидела их во всех подробностях.

Спина была паутиной шрамов.

Длинные белые линии, пересекающие друг друга под разными углами. Глубокие вмятины, похожие на следы от когтей или странного оружия. Небольшие, круглые отметины, словно от ожогов. Это была не просто кожа воина. Это была карта сражений, история боли, выжженная на плоти. Я замерла, не в силах пошевелиться, рассматривая этот ландшафт мужества и жестокости.

– Массаж. Сейчас же.

Его голос, низкий и не терпящий возражений, вырвал меня из оцепенения. В нём не было нетерпения, лишь холодная констатация того, что его приказ не выполнен немедленно.

Я медленно подошла к ложу, чувствуя, как подкашиваются ноги. Неуверенно поставила колено на упругий мех, потом другое, стараясь не задеть его. Мои пальцы дрожали, когда я осторожно, почти боясь обжечься, прикоснулась к его коже.

Она была горячей, почти обжигающе горячей, и невероятно плотной под пальцами, как полированное дерево. Я начала с плеч, с неуверенных, робких движений, боясь причинить боль старым ранам.

– Сильнее, – прозвучал его голос, приглушённый, так как он не поворачивал голову. – Ты не ребёнок, чтобы щекотать.

Я сглотнула, собралась с духом и надавила сильнее, разминая напряжённые мышцы. Они были твёрдыми, как камень, узлы застарелого напряжения прощупывались под пальцами. Я двигалась вдоль позвоночника, избегая самых страшных шрамов, но некоторые из них были такими большими, что их нельзя было обойти.

Он не издал ни звука. Не вздрогнул. Он просто лежал, безмолвный и неподвижный, как скала. И в этой его молчаливой выносливости было что-то пугающее.

Мои пальцы наткнулись на особенно уродливый шрам – длинный и рваный, пересекающий всю лопатку.

– Это от кого? – прошептала я, сама не ожидая, что вопрос вырвется наружу. Он замолчал на секунду, и я уже приготовилась к гневу за свою дерзость.

– Клинок рака, – последовал ровный ответ.

Я провела пальцем по грубой поверхности шрама, и по моей собственной спине пробежали мурашки. Он говорил о таком ранении, как о лёгкой царапине.

Я продолжала работать, и постепенно мои движения стали увереннее. Страх начал отступать, уступая место странному, почти хирургическому интересу. Я изучала его тело, как когда-то изучала трещины на больничном потолке. Каждый шрам был настоящей историей. И судя по количеству этих шрамов, генералу было что рассказать.

Внезапно его рука молниеносно двинулась назад. Пальцы обхватили моё запястье. Он сел, развернувшись ко мне лицом.

Я замерла, сердце рухнуло куда-то вниз.

– Откуда ты знаешь... как делать массаж? – спросил он, с подозрением прищулив глаза.

– На Земле... я много работала за компьютером, – выдохнула я, концентрируясь на его глазах, хотя взгляд съезжал вниз на мощную грудь. – Спина болела у всех. Иногда коллеги делали друг другу массаж. Примитивный, конечно.

Он ничего не ответил. Просто опять лёг, подчиняясь работе моих рук. Его дыхание стало глубже, ровнее. Могучие мышцы понемногу начали смягчаться под моими упорными пальцами.

Глава 9

Его дыхание стало глубоким и ровным, мышцы под моими пальцами окончательно расслабились. Тихий, едва слышный звук, похожий на лёгкий храп, вырвался из его груди. Неужели... он уснул?

Сердце застучало чаще, но теперь уже не только от страха. От невероятности происходящего. Генерал Гар'Зул, Молот Заратуна, заснул под руками землянки, которую ему подарили как диковинку.

Осторожно, боясь сделать малейший шум, я убрала руки с его спины. Он не шевельнулся. Эйфория ударила в голову. Сейчас. Сейчас я могу отползти, укрыться в своей нише, перевести дух и осмыслить этот странный вечер.

Я медленно, сантиметр за сантиметром, стала отодвигаться от него, стараясь не потревожить меха под коленями. Ещё немного... ещё чуть-чуть...

И вдруг – железная хватка вокруг моей талии.

Я ахнула от неожиданности. Его рука – огромная, сильная, обвила меня и притянула обратно с такой лёгкостью, будто я была тряпичной куклой. В следующее мгновение я оказалась прижатой спиной к его груди, его дыхание горячим потоком обожгло мою шею.

– Не двигайся, – пробормотал он сквозь сон, и его голос был низким, хриплым, лишённым привычной чёткости, но от этого не менее повелительным.

Я застыла, парализованная страхом и... чем-то ещё. Его тело было невероятно горячим, как раскалённый камень, а его рука, лежащая на моём животе, тяжёлой и властной. Он уткнулся лицом мне в волосы, его ровное дыхание снова стало глубоким и размеренным. Он снова заснул. На этот раз – крепко, держа меня в железных объятиях.

Я пыталась вырваться. Сначала – осторожно, едва напрягая мышцы. Его хватка лишь слегка усилилась в ответ, предупреждая. Затем – сильнее, уже панически. Бесполезно. Он был сильнее. Несоизмеримо сильнее.

Слёзы бессилия и страха выступили на глазах. Я была в ловушке. Заперта в объятиях самого опасного существа в этом секторе галактики.

Но постепенно паника начала отступать, уступая место странному, почти гипнотическому спокойствию. Тепло его тела согревало меня, прогоняя озноб страха. Ритмичный звук его дыхания, мощные удары его сердца у меня под спиной – всё это действовало усыпляюще. Запах его кожи – древесины, оружия и чего-то неуловимого, чисто мужского – заполнял мои лёгкие.

Я ненавидела его. Боялась его. Но в этом объятии, в этой вынужденной близости, было что-то... первобытное. Ощущение невероятной защищённости, смешанное с ужасом перед той силой, что эту защиту обеспечивала.

Мысль о побеге таяла с каждой минутой. Веки становились тяжёлыми. Тело, измотанное пережитым днём, требовало отдыха. Борьба была бесполезна.

Я закрыла глаза, позволив себе устроиться поудобнее на его руке. Его дыхание было ровным. Его сердце билось сильно и уверенно.

И пока далёкие звёзды плыли за огромным иллюминатором, я, пленная землянка, уснула в объятиях своего похитителя. Врага. Хозяина.

И впервые за долгое время мне не снились кошмары. Наоборот. Снилось что-то хорошее. Я не могла вспомнить, что именно, но точно помнила уют, и ощущение счастья, будто я больше не одна, меня любят. Даже просыпаться не хотелось. Я потянулась и почувствовала рядом с собой твёрдое горячее мужское тело. И воспоминания нахлынули потоком.

Похищение, рынок, генерал.

Я распахнула глаза и встретила взглядом с глазами Гар'Зула.

Он лежал на боку, опираясь на локоть. Его тёмные, нечитаемые глаза изучали моё лицо с пристальным, аналитическим вниманием, с которым он, должно быть, изучал карты звёздных систем перед атакой.

Я замерла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как жаркая волна стыда и смущения заливает мои щёки. Мы всё ещё лежали на его кровати, его рука, тяжёлая и властная, всё так же лежала на моём животе, будто заявляя права на собственность.

Он медленно протянул руку. Я вздрогнула, но продолжила упрямо смотреть ему в глаза.

Его пальцы коснулись моей кожи – удивительно мягко для такой грубой, покрытой шрамами руки. Он провёл кончиком пальца по линии моей челюсти, от уха до подбородка, словно очерчивая её форму, запоминая.

– Откуда ты? – голос был слегка хриплым от сна.

Вопрос застал меня врасплох. Капитан Карсо представил меня. Зира'ал знала. Разве он не в курсе? Хотя меня вроде бы представили как дикарку, а не как землянку.

– Я... землянка, – выдохнула я, голос мой прозвучал немного сипло.

Его брови чуть сдвинулись, на переносице легла едва заметная вертикальная морщина. В глазах мелькнуло что-то... разочарование? Досада?

Он отвёл взгляд, уставившись куда-то в пространство над моим плечом, его лицо снова стало непроницаемой маской, но я уловила лёгкое недовольство.

Сердце ёкнуло.

Наверно дело во мне, а не то что я вообще надеялась?

На одобрение? На интерес?

Для него я была всего лишь землянкой. Дикаркой с задворок галактики. Ведь так меня называли – дикарка. Но вместо жалости к себе внутри появилась злость.

– Не нравятся землянки? – спросила я прямо, прежде чем я успела обдумать вопрос.

Его взгляд мгновенно вернулся ко мне. Тёмные глаза сузились, в них вспыхнула опасная искра. Но не гнева. Скорее, холодного, хищного любопытства. Он наклонился чуть ближе, его дыхание снова коснулось моего лица.

– Я не люблю ничего, – произнёс он тихо, и в его голосе зазвучала сталь. – Ни людей, ни планет, ни целые системы. Они либо полезны, либо нет. Либо подчиняются, либо уничтожаются. – Его пальцы снова коснулись моего подбородка, на этот раз слегка сжав его, заставляя меня смотреть ему в глаза. – Вопрос не в том, «нравишься» ли ты мне. Вопрос в том, какую пользу ты можешь принести. Пока что... ты неплохо справляешься с массажем.

Он отпустил меня и встал с ложа с той же лёгкой, мощной грацией, что и накануне. Его спина, вся в шрамах, была обращена ко мне, демонстрируя полное пренебрежение к моему присутствию.

Инцидент был исчерпан. Его любопытство удовлетворено.

Теперь я снова была просто фоном, предметом обстановки.

– Уходи, – бросил он через плечо, уже глядя на загорающиеся голографические экраны. – У меня нет времени на тебя. Вечером будь здесь.

Я молча скатилась с ложа, едва сохраняя равновесие, и почти побежала к своей нише, чувствуя, как его слова жгут мне кожу.

«Пользу».

«Справляешься с массажем».

Я была не человеком. Не женщиной. Я была функцией для него.

Инструментом.

Задёрнув занавес, я прислонилась к прохладной стене, пытаюсь унять дрожь в коленях. Он не видел во мне ничего, кроме полезного свойства.

И это... это задевало меня.

Это было полное, тотальное безразличие ко всему, что я собой представляла.

Где-то глубоко внутри, под слоями страха и унижения, шевельнулось что-то острое и колющее. Обида. Злость.

«Пользу», – сказал он?

Хорошо. Я покажу ему, на что способна землянка. И он пожалеет, что вообще узнал это слово.

И в первую очередь я должна найти способ, чтобы изучить корабль. Выяснить, как можно сбежать отсюда. Может, генерал и думает, что я дикарка, но пароль, который он ввёл на своих экранах, я запомнила.

Осталось дождаться, когда он выйдет из своей спальни.

Глава 10

Я стояла за занавесом, прислушиваясь к каждому звуку с той стороны. Слышался мерный гул работы систем корабля, тихое шипение голографических проекторов и... его шаги. Твёрдые, размеренные. Он перемещался по кабинету, отдавая тихие, отрывистые команды куда-то в комлинк. Голос был ровным, безэмоциональным, как всегда.

Сердце колотилось где-то в горле, смешивая страх с адреналиновой решимостью.

Пароль.

Я зажмурилась, прокручивая в памяти ту самую секунду, когда он повернулся к экранам. Его длинные пальцы быстро промелькнули в воздухе, вычерчивая сложный символ.

Не слово, а именно символ – что-то вроде спирали, пересечённой прямой линией. Я увидела его отражение в тёмной поверхности стола и засела в память чисто инстинктивно.

Зачем? Не знала. Тогда это было просто бессознательным жестом выживания – цепляться за любую деталь.

Теперь же эта деталь могла стать ключом.

Шаги затихли. Раздался скрежет открывающейся тяжёлой двери – не той, что вела в коридор, а другой, скрытой где-то за стеллажами с артефактами.

Личный выход? В арсенал? Неважно.

Важно было то, что дверь с шипением закрылась, и в покоях воцарилась тишина. Его присутствие исчезло из моих чувств, будто выключили мощный источник энергии.

Я выждала ещё несколько долгих минут, считая удары сердца. Ни звука. Он ушёл.

Осторожно раздвинув тяжёлую ткань занавеса, я высунула голову. Спальня была пуста. Голографические экраны всё ещё мерцали, отбрасывая синеватый свет на полированные поверхности.

Сердце заколотилось ещё сильнее. *Сейчас или никогда.*

Я выскользнула из ниши и, крадучись, как мышь, пересекла просторное помещение к его рабочему столу.

Экран главного терминала был тёмным, но чувствительные сенсоры тут же отреагировали на моё приближение, вспыхнув приглашением к вводу.

«Доступ ограничен. Требуется авторизация.»

Я замерла, пальцы затряслись. А если я ошиблась? Если символ не тот? Если попытка доступа запустит тревогу?

Мысль о его ледяном гневе заставила меня задрожать. Но затем вспомнилось его лицо. Его безразличный взгляд. *«Они либо полезны, либо нет. Либо подчиняются, либо уничтожаются.»*

Я не была бесполезной. и он зря недооценивал обычную дикарку.

Собрав волю в кулак, я подняла руку и дрожащим пальцем повторила в воздухе тот самый символ – спираль, пересечённая прямой линией.

Экран замер на мгновение, мигнул... и затем на нём плавно возникли строки данных, схемы, карты. Доступ открыт.

Эйфория ударила в голову, такая сильная, что я едва не вскрикнула.

Получилось! Глупая, необученная «дикарка» взломала систему величайшего генерала Триумвирата!

Я быстро пробежалась глазами по интерфейсу. Навигационные карты. Схемы корабля. Отчёты о состоянии систем. Логи общения... Мой взгляд упал на пометку «Внешние коммуникации». Заблокировано. Требуется авторизация капитана или выше.

Чёрт. Отправить сигнал не выйдет.

Но я нашла другое.

Детализированную схему корабля. «Молот Заратуна» был не просто большим. Он был огромным. Целый город в космосе. И там, в самых нижних ангарах, помечались шаттлы. Транспортные челноки. Небольшие, маневренные. Те самые, что использовались для высадки на планеты.

Мой мозг незамутнённый болью впитывал всю информацию мгновенно. Даже когда я была маленькой, не запоминала информацию так быстро. А сейчас стоило посмотреть на схему, она словно фотография отпечатывалась в моём мозгу.

План, сырой и безумный, начал формироваться у меня в голове. Украсть шаттл. Во время инспекции, когда ангар будет открыт, а внимание ослаблено.

Я быстро запомнила маршрут от покоев генерала до служебных лифтов, ведущих в нижние доки. Вызвать лифт без авторизации я не смогу, но... если спуститься по вентиляции? Схема показывала вентиляционные шахты, достаточно широкие. Их я тоже запомнила.

Внезапно где-то вдали скрипнула дверь. Адреналин ударил в кровь ледяным уколom. Он возвращался!

Я мгновенно провела рукой по экрану, пытаюсь закрыть всё. Система запросила подтверждение выхода. Панель с теми же символами!

Сердце прыгнуло в горло. Шаги становились всё ближе. Я снова, уже почти вслепую от паники, вывела в воздухе спасительный символ.

Экран погас как раз в тот момент, когда дверь в кабинет с шипением открылась.

Я бросилась прочь от стола, делая вид, что просто рассматриваю артефакты на полках, стараясь дышать ровно. Мои руки дрожали, спина была покрыта холодным потом.

Гар'Зул вошёл в кабинет. Его взгляд скользнул по мне, задержался на мгновение, на моём вероятно слишком бледном лице, но не выразил никакого интереса. Он прошёл к своему столу и снова погрузился в голограммы, полностью меня игнорируя.

Я стояла, вжимаясь в стеллаж, и чувствовала, как холодный металл проступает сквозь тонкую ткань платья. Его безразличие обжигало сильнее, чем любая ярость. Он погрузился в работу, полностью вычеркнув меня из своего пространства, как стирают ненужную пометку с голограммы.

План побега вертелся в голове безумным калейдоскопом: вентиляционные шахты, нижние доки, шаттл... Но всё это было бесполезно, если я заперта в этих роскошных покоях.

Я сделала глубокий вдох, выпрямила спину и сделала шаг вперёд, нарушая тишину.

– Генерал? – мой голос прозвучал тихо.

Он не поднял голову сразу. Его пальцы замерли над проекцией звёздной системы. Затем, медленно, он перевёл на меня свой тяжёлый, бездонный взгляд. В нём не было ни раздражения, ни интереса – лишь ожидание.

– Можно ли мне... выходить? – я сглотнула, чувствуя, как глупо звучит этот вопрос. – За пределы спальни?

Его глаза сузились едва заметно. Он изучал меня, словно пытался разгадать скрытый смысл в этой простой просьбе. Могучий разум, который привык к сложным тактическим схемам и политическим интригам, вероятно, искал в моих словах ловушку, подвох, скрытый умысел.

Я поспешила добавить:

– Просто... хотя бы по коридору прогуляться. Не сидеть же мне здесь постоянно.

Молчание затянулось. Он откинулся в кресле, его пальцы сложились в замок. Казалось, он взвешивал риски.

Доверить ли дикарке хоть немного свободы? Не обернётся ли это против него?

Наконец, его губы, полные и твёрдые, приоткрылись.

– Можешь, – произнёс он, и в его голосе прозвучала неожиданная уступчивость, тут же сведённая на нет следующим условием. – Вместе с Зира'ал.

Не свобода. Перемещение под конвоем. Смотрительница, трёхглазая тюремщица, стала моим пропуском в мир за пределами этой комнаты.

Я кивнула, стараясь не показать ни разочарования, ни радости. Просто приняла условия.

– Благодарю вас.

Он уже отвернулся, его внимание снова было приковано к голограммам. Разговор был окончен. Я получила то, что хотела. Или то, на что могла рассчитывать.

Сердце всё ещё бешено колотилось, но теперь уже от предвкушения.

Зира'ал. Она знала эти покои, этот корабль. Возможно, она знала и больше. Возможно, её можно было о чём-то спросить. О чём-то нейтральном.

Нетерпение разрывало грудь, и не давало усидеть на месте. Я периодически выходила из своего закутка в ожидании Зира'ал. Наконец, она появилась.

Я сдерживала своё нетерпение, не спеша подошла к ней и сообщила о своём праве прогуляться.

И снова этот испытующий взгляд. Кивок генерала, и вот она заветная дверь.

Перегородка отъехала в сторону, пропуская меня вперёд.

Глава 11

Перегородка с тихим шипением сомкнулась за моей спиной, отрезая меня от роскошной тюрьмы. Я стояла в бесконечно длинном коридоре, освещённом мягким голубоватым светом. Стерильный воздух пах озоном и металлом. Зира'ал шла рядом, её три аметистовых глаза бесстрастно смотрели прямо перед собой, но я чувствовала её внимание на себе – постоянное, неусыпное.

Я заставила себя идти медленно, якобы с интересом разглядывая стены, устланные панелями с непонятными символами. Сердце бешено колотилось, пытаюсь вырваться из груди. Каждый шаг отдавался гулким эхом в тишине, казалось, что весь корабль слышит моё предательское топанье.

План. Нужно следовать плану.

Я мысленно прокручивала схему, отпечатавшуюся в мозгу с фотографической чёткостью. Через двести метров – ответвление к служебным отсекам. Там, за панелью с вентиляционной решёткой, должен быть люк.

– Здесь слишком... пусто, – произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Может, пройдем туда? – я указала на желанный поворот.

Зира'ал молча кивнула, её морщинистое лицо не выразило ни удивления, ни подозрения. Мы свернули. Коридор здесь был уже, свет тусклее. Идеально.

Я притормозила у не приметной панели, делая вид, что рассматриваю какие-то техники на стене.

– Ой! – изобразив притворное удивление, я наклонилась, будто что-то уронила. – Кажется, моя... заколка.

Зира'ал наклонила голову, её средний глаз сузился. Это был мой шанс. Мгновение, когда её внимание ослабло.

Сердце прыгнуло в горло. Я рванула к панели, пальцы сами нашли скрытые защёлки – я видела их на схеме. С тихим щелчком панель отъехала, открыв чёрный провал вентиляционной шахты. Холодный воздух, пахнувший пылью и химическим маслом, ударил мне в лицо.

– Стой! – раздался резкий, скрипучий голос Зира'ал.

Но я уже нырнула в темноту, отчаянно цепляясь за скобы внутри. Люк с грохотом захлопнулся за моей спиной, погрузив всё в кромешную тьму. Слышались приглушённые удары и голос смотрительницы по ту сторону металла, но они быстро стихли, заглушаемые гулом корабля.

Я замерла, прислонившись к холодной стенке шахты, пытаюсь перевести дух. Адреналин пылал в жилах. Первая часть плана сработала.

Теперь – самое сложное.

Ориентируясь по памяти, я поползла вниз. Металлические скобы впивались в босые ноги, ладони скользили по гладким стенкам. В шахте было тесно, душно и страшно. Где-то внизу, в темноте, гудели вентиляторы, их рокот нарастал с каждым метром.

Я ползла, считая ответвления, сверяясь с картой в своей голове. Влево на третьем перекрёстке. Прямо. Затем вниз по узкому колодцу. Мой разум, острый и ясный, как никогда, работал без сбоев. Я не думала о страхе, о том, что меня поймают. Только о схеме. Только о шаттле.

Наконец, после вечности ползания в темноте, я увидела внизу слабый свет. Решетка. За ней – огромное пространство ангара.

Я замерла, прильнув к решётке. Внизу кипела работа. Механики возились вокруг нескольких кораблей. И там, в углу, стоял небольшой транспортный челнок. Его люк был открыт, и вокруг него суеилось всего два техника.

Моё сердце заколотилось с новой силой. Это был мой шанс. Сейчас или никогда.

Я затаила дыхание, наблюдая. Техники что-то спорили, затем один из них махнул рукой и ушёл за каким-то инструментом. Второй на мгновение отвернулся, что-то проверяя на планшете.

Действуй!

Я отодвинула решётку – к моему удивлению, она поддалась без особого усилия – и бесшумно соскользнула вниз, приземлившись на носочки. Пригнувшись, я метнулась к тени челнока.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Каждый звук казался оглушительным грохотом. Я проскользнула в открытый люк, оказавшись в тесной, но чистой кабине.

Панель управления. Кресло. И главное – стартовая последовательность, которую я видела в журнале на терминале Гар'Зула.

Пальцы сами потянулись к кнопкам. Зажигание. Отсоединение стыковочных муфт. Запуск двигателей. Глухой грохот, вибрация, и шаттл ожил подо мной.

В наушниках раздался тревожный голос:

– Челнок «Зета-семь», доложите о статусе! Что происходит?

Я проигнорировала его, концентрируясь на штурвале.

Нетерпение и страх сжали горло. Я не могла ждать.

Я рванула штурвал на себя, сердце выпрыгивало из груди в предвкушении свободы. Но вместо мощного рывка вперёд раздался лишь оглушительный скрежет металла, и челнок дёрнулся, будто наткнулся на невидимую стену. Меня швырнуло вперёд, ремни безопасности впились в плечи.

Все контрольные панели вспыхнули алым, ослепляющим светом. Пронзительный, надрывный вой сирены заполнил кабину, давя на барабанные перепонки. На дисплеях мигали гневные надписи на общем языке Триумvirата: «БЛОКИРОВКА ДВИГАТЕЛЕЙ», «ВНЕШНЕЕ ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ», «НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ЗАПУСК».

– Нет! – вырвался у меня отчаянный крик, заглушаемый воем сирены.

Я бешено тыкала в кнопки, дёргала рычаги, но корабль был мёртвым грузом, будто кто-то парализовал его невидимой железной хваткой.

Когда я подняла глаза на главный экран, показывающий вид с внешних камер.

Увидела его – генерала Гар'Зула.

Он шёл по ангарной палубе прямо навстречу челноку. Нет, не шёл – шествовал. Его поступь была мерной, неспешной и невероятно уверенной. Он был без шлема, в своём чёрном мундире, и его длинные волосы медленно колыхались в искусственной гравитации ангара. На его лице не было ни гнева, ни ярости. Лишь холодное, абсолютное спокойствие и... лёгкая, едва уловимая тень усмешки.

Он приблизился к самому носовому иллюминатору, так близко, что я могла разглядеть каждую чёрточку его лица, каждый шрам. Его серые, бездонные глаза уставились прямо на меня, сквозь бронестекло, словно он видел не кабину, а мою душу, разрываемую страхом и яростью.

Он поднял руку – не с оружием, а с небольшим портативным устройством. Его пальцы провели по экрану.

Вой сирены мгновенно прекратился. Красные огни на панели погасли. В кабине воцарилась оглушительная, давящая тишина, нарушаемая лишь гудением систем и бешеным стуком моего сердца.

То, что меня накажут за побег, я в этом даже не сомневалась. Оставалось решить хочу ли я добровольно получить это наказание или попробовать сражаться до конца.

Но тут его голос раздался в наушниках, которые я не успела сорвать. Голос был ровным, тихим, от его звучания по спине пробежали ледяные мурашки.

– Выходи, – произнёс он. – Не заставляй меня вышибать дверь.

Я сидела, вцепившись в подлокотники кресла, парализованная ужасом и осознанием полного, тотального провала. Вся моя отвага, весь мой оптимизм испарились, оставив лишь горький привкус поражения и леденящий душу страх перед тем, что будет теперь.

Он не двигался. Он просто стоял там, снаружи, ожидая. Его фигура, освещённая аварийными огнями ангара, казалась не человеком, а воплощением самой неотвратимости. Стеной. Стеной из плоти и крови, которую мне не преодолеть.

Медленно, на ватных ногах, я отстегнула ремни. Каждое движение давалось с трудом. Я поднялась и, пошатываясь, направилась к шлюзу.

Люк с шипением открылся. Он стоял прямо перед ним, загородив собой весь мир.

Глава 12

Я стояла, пошатываясь, на краю шлюза, всё ещё чувствуя, как дрожат мои ноги.

Его серые глаза, холодные и всевидящие, медленно скользнули по моему лицу, по моей испачканной пылью одежде, по моим босым, пораненным о скобы ногам.

В его глазах не было злости. Лишь неожиданное любопытство, словно он смотрел на сломанный механизм, который интересовал его лишь с точки зрения причин поломки.

– И куда ты собралась лететь, землянка? – раздался его голос, низкий и ровный, без единой ноты повышения.

Вопрос повис в воздухе, такой простой и такой уничижительный. Он знал, что у меня не было плана. Что у меня не могло быть плана. Это был риторический вопрос, призванный показать, насколько была глупой моя затея.

Может, оно так и было, но если бы мне предоставилась возможность ещё раз, я бы снова сбежала. Ведь где-то же должны быть жилые планеты. Внутри всё взбунтовалось. Горький привкус поражения на языке сменился внезапной, острой яростью. Я подняла голову и встретила с его взглядом, не отводя глаз.

– Куда-нибудь, – выдохнула я, и мой голос, к моему удивлению, прозвучал твёрдо, без дрожи. – Просто подальше отсюда.

Его тёмная бровь удивлённо изогнулась. Не ожидал. Ждал слёз, мольбы, может быть, истерики. Но не этого. Не вызова.

– Я не привыкла жить в неволе, – продолжила я, чувствуя, как слова льются сами, подогретые адреналином и отчаянием. Я сделала шаг вперёд, навстречу ему, навстречу его непробиваемому спокойствию. – Потому что я не ручная зверушка. И не игрушка. И не «диковинка». Меня зовут Валерия.

Я стояла теперь прямо перед ним, запрокинув голову, чтобы видеть его лицо. Весь страх куда-то ушёл, оставив лишь пустоту и странную, лихорадочную смелость.

– Ты можешь запереть меня в самой роскошной клетке во всей галактике. Можешь приковать цепями к своей кровати. Но это ничего не изменит. Я всё равно буду искать способ сбежать. Потому что я – свободный человек. Другого варианта для меня нет.

Я закончила, и в ангаре воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением машины. Генерал не двигался, не моргал, просто смотрел на меня своим пронизывающим взглядом. Я видела, как в глубине его серых глаз что-то шевельнулось. Не гнев. Не раздражение. Расчётливый, холодный интерес.

Он медленно, почти лениво, протянул руку. Я замерла, ожидая удара, захвата, чего угодно. Но его пальцы лишь коснулись моей щеки, грубые подушечки скользнули по коже. Прикосновение было неожиданно лёгким, почти невесомым, и от этого – ещё более пугающим.

– Свободная, – повторил он, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, едва уловимая насмешка. Или за уважение. – Или мёртвая. Жёсткая дихотомия. Примитивная. Но... эффективная.

Его рука опустилась.

– Хорошо, – сказал он просто. – Посмотрим, на что способна свободная землянка.

Он не спорил. Не угрожал. Его ледяное спокойствие было страшнее любой ярости. Он просто слегка кивнул кому-то позади меня.

– Отведите её в мои покои, – прозвучал его приказ, всё тот же ровный, лишённый эмоций баритон. – И проследите, чтобы она никуда не сбежала. Головой отвечаете.

Мгновенно сзади на меня навалились двое стражников в лаконичной, идеально сидящей форме взяли меня под руки. Их хват был не грубым, но не допускающим возражений – сталь-

ным и безжалостным. Я попыталась вырваться, чисто инстинктивно, но это было как пытаться согнуть балку.

– Руки прочь! Я сама пройду! – прошипела я, но они лишь усилили хватку, легко приподняв меня над полом, чтобы мои пораненные босые ноги не касались холодного металла.

Меня потащила прочь от него, через ангар, мимо любопытных взглядов механиков и техников. Щёки пылали ярче, чем огонь в двигателях кораблей.

Дверь в его личные апартаменты с шипением открылась, и меня втолкнули внутрь. Дверь за мной закрылась с тихим щелчком, оставив наедине с Зира'ал.

Она тут же набросилась на меня, её тонкое лицо исказила гримаса ярости, все три глаза уставились на меня.

– Идиотка! Безмозглая, примитивная землянка! – она металась по комнате, её длинные пальцы сжимались в кулаки. – Ты понимаешь, что ты наделала? Ты могла бы тихо сидеть в отсеке для прислуги и ждать, пока к тебе проявят снисхождение! А теперь что? Тебя запрут здесь, как дикое животное! Ты опозорила меня! Я отвечала за тебя! и это у тебя благодарность за хорошее отношение?

Я прислонилась к холодной стене, закрыв глаза. Её визгливый голос резал по нервам. Внутри всё было пусто и холодно после недолгого всплеска адреналина.

– Я никого не просила за меня отвечать, – тихо бросила я ей в ответ.

Это только разозлило её сильнее. Она начала что-то выкрикивать про моё происхождение, про варварские обычаи моей планеты, про то, как глупо и безрассудно бросать вызов такому, как Генерал.

Неожиданно её коммуникатор на запястье мягко завибрировал, прервав поток оскорблений. Зира'ал замолкла на полуслове, с раздражением взглянула на экран.

И замерла.

Её глаза, широко распахнутые, пробежали по строке сообщения один раз, потом другой. Ярость на лице сменилась полнейшим, абсолютным недоумением. Она снова посмотрела на меня, потом опять на коммуникатор, будто проверяя, не ошиблась ли адресатом.

Прошло несколько секунд тягостного молчания. И вдруг её лицо преобразилось. Губы растянулись в широкой, почти восторженной улыбке, а в глазах вспыхнул неподдельный, жадный интерес.

– Кто бы мог подумать... – прошептала она, голос теперь звучал совсем иначе – с восхищением и лёгкой завистью. – Кто бы мог подумать, что этот безрассудный поступок... понравится Генералу!

Я смотрела на неё, не понимая.

– Что? – только и смогла выговорить я.

– Он отдал приказ! – объявила она, поднимая на меня сияющий взгляд. – Приготовить тебя. К общей совместной ночи.

Холодный ужас, гораздо более пронзительный, чем тот, что я испытывала в ангаре, сковал меня.

– К чему? – голос мой предательски дрогнул. – Что это значит?

Зира'ал сделала несколько шагов ко мне, и её прикосновения вдруг стали плавными, почти ласковыми.

– Это значит, глупышка, что ты получила величайшую честь, – она протянула руку, чтобы поправить мои спутанные волосы, но я отшатнулась. Она лишь усмехнулась. – Это значит, что Генерал решил попробовать тебя. Как любовницу. Лично. Сегодня ночью.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и невыносимые. Комната поплыла перед глазами. Побег, вызов, гордая речь о свободе – и всё это привело лишь к этому? К тому, что меня готовят и доставят в его постель, как очередное блюдо к ужину?

– Нет, – вырвалось у меня. – Нет...

– «Нет»? – Зира'ал фыркнула, но уже без злобы, скорее со снисходительным весельем. – Милая, это не предложение. Это приказ. И это почётно. Теперь твоя задача – быть идеальной. Чистой, ухоженной и послушной. Пойдём. Время поджимает.

Глава 13

Время растянулось в тягучую, липкую паутину ожидания. Меня готовили, как жертву для жертвоприношения. Служанки с каменными лицами омыли меня, натёрли ароматными маслами, облачили в струящееся платье такого же серого, как глаза Гар'Зула, цвета. Волосы уложили в сложную причёску, обнажив шею. Зира'ал то и дело появлялась в дверях, её три глаза сияли от возбуждения, она что-то бормотала о «великой чести» и «милости Повелителя».

Я молчала. Внутри всё сжалось в ледяной, неподвижный ком. Страх сменился странным, отстранённым спокойствием. Я сделала свой выбор у шаттла. Теперь приходилось пожинать последствия. Но я не собиралась делать это с покорностью.

Наконец, все ушли. Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Я осталась одна в огромных, безмолвных покоях. Нервы, до этого скованные онемением, вдруг ожили, зазвенели, как натянутые струны. Каждый звук – гул корабля, тиканье какого-то прибора – отдавался в висках. Я стояла посреди комнаты, сжимая кулаки в складках нелепого платья, и ждала.

И вот дверь открылась.

Он вошёл без стука. Так же, как и тогда, после моего провала. Высокий, могущественный, несущий с собой молчаливую бурю своей воли. Он не посмотрел на меня сразу. Снял парадный мундир, бросил его на кресло. Затем – сапоги. Действия его были точными, выверенными, лишёнными суеты. Он остался в простых чёрных штанах, и его торс, покрытый паутиной шрамов, казался ещё более массивным и неумолимым при тусклом свете.

Только тогда его взгляд упал на меня. Серые глаза скользнули с головы до ног, оценивающе, без намёка на эмоции. Он медленно поднял руку и поманил меня пальцем.

– Иди сюда.

Голос был тихим, но он прозвучал как удар хлыста.

Внутри всё сжалось. Ноги сами по себе сделали шаг вперёд, повинувшись древнему инстинкту страха. Но я заставила себя остановиться. Подняла подбородок, встречая его взгляд. С чего, чёрт возьми, я должна его слушаться?

На его лице промелькнула тень. Не гнева. Скорее, ленивого, хищного любопытства. Уголок его рта дрогнул в подобии усмешки.

– Иди. Сюда, – повторил он, и в голосе появилась сталь.

Я покачала головой. Сделала шаг назад. Маленький, почти незаметный. Но это был вызов. Молчаливый и отчаянный.

Его брови медленно поползли вверх. Ленивая усмешка исчезла. В глазах вспыхнула искра настоящего, живого раздражения. Моя дерзость, моё упрямство – это было нечто новое. Непредсказуемое. И, видимо, крайне неприятное для того, кто привык к мгновенному повиновению.

Он не закричал. Не пригрозил. Он просто... пошёл на меня.

Неспешно, с грацией большого хищника, уверенного в своей добыче. Его шаги были бесшумными по мягкому ковру.

Я отступала, сердце колотилось где-то в горле. Он не ускорялся, лишь продолжал идти, его взгляд пригвоздил меня к месту, гипнотизируя. Отступать было некуда – позади была стена.

Когда он оказался в шаге от меня, его рука резко рванулась вперёд, чтобы схватить меня за плечо.

И я дёрнулась в сторону.

Это было чистое инстинктивное движение. Я не думала, просто ушла из-под его хватки, отпрыгнув к кровати.

Он замер. Его рука повисла в воздухе. Раздражение в его глазах сменилось холодным, леденящим удивлением, а затем – тёмным, опасным интересом. Никто, никогда не смел уворачиваться от него.

Тишина в комнате стала звенящей, напряжённой, как струна перед разрывом.

Он медленно повернул ко мне голову. Его взгляд был уже другим. В нём не было прежнего безразличия. Теперь он смотрел на меня так, как смотрят на достойного противника. Или на особенно интересную диковину, которая вдруг оказалась опасной.

Адреналин пылал в жилах, заставляя кровь стучать в висках. Я металась по покоям, как загнанная лань, а он шёл за мной.

Не бежал. Шёл.

Его движения были обманчиво ленивыми, но невероятно быстрыми и точными. Он не пытался схватить меня сразу – он отрезал пути к отступлению, заставляя меня петлять между стеллажами с артефактами и низкой мебелью.

Это была игра. Опасная игра, в которой он был котом, а я – мышкой, обречённой на поражение.

Но я отказывалась сдаваться. Каждый его шаг, каждый взгляд, полный хищного азарта, подливал масла в огонь моего сопротивления.

Я рванула к арке, ведущей в кабинет, надеясь запереться там. Но он оказался передо мной, отрезая путь, словно возник из воздуха.

Я резко развернулась, мои босые ноги скользнули по гладкому полу и, сделав неловкий рывок в сторону, задела плечом высокий стул. Стул упал, я потеряла равновесие и полетела вперёд, ожидая удара о твёрдый пол.

Но удара не случилось.

Вместо этого его руки железной хваткой обхватили мою талию. Он подхватил меня на лету, как пёрышко, и легко перекинул через своё плечо.

Мир перевернулся с ног на голову. Я завизжала от ярости и унижения.

– Отпусти меня! Ходячий терминатор! – кричала, колотя его кулаками по спине, по тем самым шрамам, что я массировала всего несколько часов назад. Мои удары были слабыми, бесполезными, как удары мотылька о стекло.

– Бездушная машина! Гад!

Он не реагировал. Нёс меня к кровати, как мешок с зерном. Его спина под моими ударами была твёрдой, как скала.

Перед кроватью он остановился. Резко, так что меня качнуло вперёд. Затем его руки снова сомкнулись на моей талии, и он снял меня с плеча.

Не бросил. Опустил. На мягкие меха его ложа.

Прежде чем я успела откатиться или вскочить, он навис над мной. Одним коленом упёрся в матрас между моих бёдер, ладони он упёр в изголовье по обе стороны от моей головы, заковав в клетку из своих рук.

Его лицо было всего в сантиметрах от моего. Дыхание, ровное и спокойное, несмотря на всю погоню, обжигало мою кожу.

Запах его – кожи и металла – заполнил собой всё пространство.

Я замерла, задрав голову, пытаюсь вырваться из его плена. Но его серые глаза держали меня прочнее любых пут. В них уже не было азарта охотника. Была тёмная, неумолимая решимость. И что-то ещё... голодное, первобытное.

– Заканчивай сопротивляться, землянка, – его голос прозвучал тихо и низко, что по моей коже побежали мурашки. – Ты уже проиграла.

Глава 14

Он не стал ждать моего ответа. Просто наклонил голову и впился в мои губы, но в его поцелуе было не только властное требование, но и странная, грубоватая нежность. Это было парадоксально – сила, с которой он держал меня, и вдруг эта осторожность, почти... бережность в прикосновении. И самое ужасное – моё тело откликнулось. Предательски, вопреки всему разуму и воле. Я ответила на поцелуй, мои губы двигались в унисон с его, а пальцы, ещё недавно сжатые в кулаки, вцепились в его плечи.

Он приподнял голову, и мы смотрели друг на друга, тяжело дыша. В его серых глазах бушевала буря – тёмное любопытство, которое, казалось, только разжигалось моим сопротивлением.

Я пыталась собрать мысли в кучу, отогнать туман желания, который он так легко навесил.

– У вас... – мой голос прозвучал хрипло, я сглотнула, пытаюсь вернуть ему твёрдость, – у вас вроде бы высокоразвитые технологии. Бороздите космос на этих... своих громадинах. А по общению с женщинами находитесь на уровне пещерных дикарей.

Его брови угрожающе сдвинулись, но я успела заметить, как дрогнули уголки его губ, как будто он сдерживал улыбку.

– И с чего ты сделала такие глубокомысленные выводы, землянка? – его голос был низким, с лёгкой, едва уловимой насмешкой.

Я почувствовала, как жар разливается по щекам. Я чувствовала его. Всей кожей. Чувствовала, как твёрдая мускулатура его груди прижимается ко мне, как его бёдра впечатались в мои. И как между ними пульсировало его твёрдое достоинство, которое казалось прожигает тонкую ткань моего платья и вызывало предательскую дрожь глубоко внутри. Мне отчаянно хотелось расслабиться, перестать спорить, позволить этому огню поглотить себя. И... мне безумно хотелось, чтобы он снова поцеловал меня.

– Каждый землянин знает, – выдохнула я, пытаюсь игнорировать собственное тело, – что чтобы понравиться девушке, надо быть с ней вежливым. И терпеливым. Ухаживать. Дарить цветы, говорить комплименты... А ты... ты тащишь меня в постель как вещь. Без моего согласия. Это же ненормально!

Он внимательно слушал, его взгляд скользил по моему лицу, и в его глазах читался подлинный интерес, будто он изучал редкий, экзотический экспонат.

– Меня, – произнёс он наконец, и его палец, грубый и тёплый, медленно провёл по моему обнажённому плечу, спуская тонкую ткань платья ещё ниже, – вполне устраивает этот метод.

Я вздрогнула от его прикосновения, по коже побежали мурашки.

– Ты упираешься только потому, что не знаешь, что будет дальше, – продолжал он, его голос приобрёл бархатистые, убедительные нотки. Его рука скользнула ко второму плечу, сдвигая и там ткань.

– И что же? – выпалила я, пытаюсь сохранить насмешливый тон, но он получился сдавленным и дрожащим.

Он наклонился ниже, его губы коснулись моей обнажённой ключицы. Горячее, влажное прикосновение заставило резко выдохнуть.

– Узнаешь, – прошептал он прямо в кожу, и его слова прозвучали как обещание. Смутное, пугающее и невероятно соблазнительное.

Он целовал мою ключицу, оставляя за собой след из огня. Разум кричал о опасности, о необходимости сопротивляться, но тело предательски слабело, отвечая на каждое его прикосновение дрожью и нарастающим желанием. Он был грубым и беспощадным. Но в его ласке была какая-то гипнотическая, животная сила, против которой мои земные представления о романтике таяли, как лёд под плазмой.

Его губы обжигали мою кожу, а пальцы, грубые и опытные, заставляли всё внутри сжиматься и трепетать одновременно. Мысленный стон пронзил меня, когда он дотронулся до соска, и волна тока ударила прямоком в низ живота. Это было невыносимо. Сопротивляться этому натиску было всё равно что пытаться остановить прилив голыми руками.

Разум лихорадочно искал лазейку, любое слово, которое могло бы его остановить, замедлить этот неумолимый процесс совращения меня.

– А вдруг я заразная! – прошептала я. – Заражу тебя страшной земной болезнью. Умрёте все, один за другим!

Он даже не остановился. Его губы скользили по чувствительной коже груди к другому соску.

– Не заразная, – его голос, низкий и глухой, вибрировал у самой моей кожи, заставляя её покрываться мурашками. – Тебя проверили. Несколько раз. Тщательнее, чем любое оружие.

И прежде чем я успела что-то возразить, его горячий рот захватил сосок, и всё моё тело выгнулось в немом крике. Я вцепилась пальцами в мех подо мной, стараясь не издавать звуков, но тихий стон всё же вырвался из губ. Как же сложно было сопротивляться! Его ласки были адски искусны, каждое прикосновение било точно в цель, растапливая лёд страха и гнева, превращая его в совершенно иное, обжигающее и влажное тепло.

Внутренний голос, предательский и настойчивый, уже шептал: «А может, и не надо бороться? Подумаешь, переспиишь с генералом. С самим Гар’Зулом. Это же... опыт. Не умирать же, в конце концов».

Но я сжала зубы. Нет. Я не сдамся просто так. Не дам ему почувствовать себя победителем так легко.

– А... а что если я забеременею? – снова прошептала я, пытаюсь отодвинуть его голову. – Вы вообще предохраняетесь? Или вам всё равно, кого плодить?

Вопрос оказался на удивление действенным. Он замер и медленно поднял голову. Его серые глаза, затуманенные страстью, смотрели на меня с неподдельным изумлением. Он даже выпустил сосок из рта

– Поверь, – голос прозвучал сухо и с оттенком насмешки, – я сделаю так, что от меня ты не понесёшь. Такую привилегию сначала заслужить надо.

Я фыркнула, пытаюсь скрыть дрожь, которая пробежала по мне от его слов и от холодного воздуха, коснувшегося мокрого соска.

– Надо же. Такой особенный.

Гар’Зул замер вновь. Казалось, он не поверил своим ушам. Его взгляд стал тяжёлым.

– Я – Генерал Гар’Зул, – произнёс он медленно и чётко, будто объясняя неразумному ребёнку или сумасшедшему.

Я собрала всю свою наглость, какая только оставалась, и встретила его взгляд.

– Ну и что? На Земле тоже бывают генералы. И они спокойно женятся на обычных девушках, спят с ними и рожают детей. Без всяких «привилегий» и «заслуг».

И снова на его лице появилось выражение удивления. Он смотрел на меня так, будто я только что заговорила на давно мёртвом языке предков. Он приподнялся на руках, всё ещё заковывая меня в клетку из своего тела и рук. Его взгляд скользнул по моему лицу.

– Ты хочешь, чтобы я... женился на тебе? – спросил он, и в его голосе впервые прозвучала не насмешка, а чистое, неподдельное любопытство.

Вопрос повис в воздухе. И я сама поняла, что меня занесло не туда. Но пути назад не было. Я лишь пожала плечами, насколько это было возможно в моей позе.

– Я хочу, чтобы со мной обращались не как с вещью. Чтобы был хоть какой-то смысл во всём этом, кроме простого удовлетворения инстинктов. Вы же не животные, в конце концов. Или я ошибаюсь?

Он молчал. Его тяжёлый, аналитический взгляд заставлял меня краснеть и желать провалиться сквозь землю, вернее, сквозь меха его ложа. Но я не отводила глаз. Внутри всё кричало и трепетало, но я продолжила, уже почти шёпотом:

– Ты даже имени моего не знаешь. Просто «землянка». Разве так поступают с... с той, с кем собираются переспать?

Он медленно, словно дикий зверь, учуявший незнакомый запах, склонился ко мне снова. Но теперь в его движениях не было прежней стремительности. Он будто заново меня изучал. Его пальцы грубо откинули прядь волос с моего лица.

– И какое же у тебя имя, землянка? – прошептал он, и его губы снова оказались опасно близко.

– Лера, – выдохнула я.

– Лера, – повторил он. Моё имя на его языке, с низким, гортанным акцентом, прозвучало как-то по-новому, дико и соблазнительно. – Теперь я знаю твоё имя. И ты знаешь моё. Церемонии окончены?

В его глазах снова заплясали знакомые искры хищного азарта, но теперь к ним добавилась капля какого-то нового, нового интереса.

– Это не церемония, это... – я начала, но он не дал мне закончить.

Его губы снова обезоружили меня, но на этот раз поцелуй был другим. Медленным, почти расслабляющим. Будто он разгадал мою тактику и решил больше не позволять говорить. Он как будто проверял – что изменилось теперь, когда он знает моё имя. И я, к своему ужасу, почувствовала, как отвечаю ему, как тело предательски тянется к нему, забыв о сопротивлении. Оставалась лишь тень протеста, упрямство, заставляющее шептать внутри: «Не смей ему сдаваться».

Но это становилось всё сложнее. Намного сложнее, чем я думала.

Глава 15

Его поцелуй был уже не просто вторжением, а тотальным завоеванием. Он пил меня, медленно и глубоко, и мой разум медленно тонул в этом море ощущений. Я пыталась уцепиться за обломки своего гнева, за память о том, что это насилие, похищение... но его губы и язык опровергали всё, превращая протест в бессвязный ропот.

Его рука скользнула вниз. Грубая, горячая ладонь легла на моё бедро, и я вздрогнула, пытаюсь сомкнуть ноги, но его бедро уже было между ними, не оставляя шанса. Пальцы нашли влажную ткань моего платья, прилипшую к самой сокровенной части меня. Он провёл по ней твёрдым, уверенным движением, и во мне всё сжалось от электрического разряда наслаждения и протеста.

– Нет... – прошептала я.

Он проигнорировал, как и всё остальное. Его палец надавил на набухший бугорок, и я застонала ему в рот, мои пальцы впились в его плечи, уже не отталкивая, а цепляясь, чтобы не упасть в эту бездну. Волны удовольствия бились о последние бастионы моего сопротивления, и я чувствовала, как они рушатся, один за другим. Такой напор было невозможно выдержать. Он стирал волю, оставляя лишь животный, всепоглощающий отклик.

И тут резкий, механический звук разрезал воздух, наполненный нашим тяжёлым дыханием. На его запястье мигал синим светом браслет-коммуникатор.

Гар'Зул оторвался от моих губ с низким, рычащим ругательством, которое больше походило на звук разъярённого зверя. Его глаза, ещё затуманенные страстью, метнулись мигающему прибору. Он резким движением коснулся браслета.

– Говори! – голос прозвучал хрипло и властно, и он не сводил с меня глаз, словно пригвозждая к ложу одним лишь взглядом. Его палец всё ещё лежал на мне, горячий и требовательный.

– Генерал! – донёсся запыхавшийся, напряжённый голос капитана. – Ксарги... Они вышли из-под контроля. Напали на наш патруль в ангаре семь, где мы проводили зачистку. Есть раненые.

Лицо Гар'Зула исказилось гримасой холодной ярости. Ни тени сомнения или растерянности.

– А вы не знаете, что делать в этом случае, капитан? – спросил он с едкой насмешкой.

– З-знаю, генерал Гар'Зул! – голос на другом конце задрожал. – Дополнительная группа уже направлена. Но... их вождь, Грок'Тар, он требует говорить только с вами. Я думал... возможно, ваше личное вмешательство усмирит его быстрее. Удастся избежать лишнего кровопролития.

Генерал замер на секунду, его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по моему лицу, по моему мятому платью, по рукам, которые цеплялись за него. Затем он резко отстранился.

Прохладный воздух снова окутал мою кожу, холодный и трезвый, заставляя очнуться от дурмана. Я лежала, тяжело дыша, пытаюсь совладать с телом, которое всё ещё трепетало от его прикосновений, с разумом, застигнутым врасплох этой внезапной паузой.

Он накинул свой тёмный, строгий китель, запахнул его одним точным движением и снова превратился из соблазнителя в мужественного генерала. Каждая линия его тела излучала жёсткость и абсолютный контроль.

Он повернулся ко мне, перед тем как выйти. Его серые глаза, в которых теперь бушевала уже иная буря – гнева и нетерпения, – приковали меня к месту.

– Когда я вернусь, – его голос был низким и не допускающим возражений, – ты должна лежать в моей кровати. Раздетая.

Он сделал шаг к выходу, но на пороге обернулся ещё раз. Взгляд его стал ледяным.
– И только попробуй сбежать.

Дверь за ним зашипела и закрылась. Я осталась одна, слыша лишь стук собственного сердца и далёкий, нарастающий гул тревоги, плывущий из глубины корабля. Тело горело, предательски жажда продолжения, а в душе бушевала паника. Лежать раздетой и ждать?

Тишина после его ухода была оглушительной. Она давила на уши, контрастируя с гулом крови, всё ещё бешено стучащей в висках.

Я лежала неподвижно, прислушиваясь к отдалённым, приглушённым звукам корабля – металлическому гулу, чьим-то далёким крикам. Но всё это было где-то там, за толстой дверью, а здесь, в этой роскошной клетке, царила лишь тягостная, позорная тишина, нарушаемая моим неровным дыханием.

Прошло, наверное, полчаса. Адреналин постепенно отступал, оставляя после себя лишь горькое послевкусие стыда и растерянности. Я медленно села на кровати, поправляя сползшее платье. Ткань на груди была влажной от его поцелуев, и я руку, будто обожглась.

Как? – один-единственный вопрос бился в висках, смешиваясь со стуком сердца. – Как я могла поддаться его напору?

Я выдержала похищение, перенесла все «медосмотры» и «тесты» со сжатыми зубами и ледяным молчанием. Я выдержала страх незнакомого космоса, ужас перед чужими лицами и технологиями. А сломил меня... один наглый, грубый пришелец с длинными пальцами и настойчивыми губами.

Щёки пылали жаром. Я представила, что было бы, не позвони тот капитан. Гар'Зул не стал бы ждать, не стал бы церемониться. Он бы добил мою защиту, добился бы моего полного поражения, позорного подчинения. И самое ужасное – моё тело, предательское, слабое тело, уже было готово ему отдаться.

Я с силой сжала кулаки, пытаюсь собрать себя снова у подобие человека, а не в ту растёкшуюся лужицу, в которую превратилась.

– Ну же, Лера, – прошептала я сама себе, – соберись. Ты же сама понимаешь, что растекаться как кисель от первого же прикосновения мужчины это глупо.

Стыд был едким и горьким. Прогоняя слёзы. Они здесь были настоящей роскошью, которую я не могла себе позволить. Они для тех, у кого есть время на жалость к себе.

И тогда, сквозь пелену стыда, до меня вдруг дошла горькая правда его слов. Той самой фразы, что резанула меня как ножом: «Ты упираешься только потому, что не знаешь, что будет дальше».

Он был прав. В первый раз я бежала сломя голову, движимая слепым животным страхом. Не зная устройства корабля, его распорядка, количества охраны, расположения шлюзов. Я не знала ближайших планет, и места, где можно было бы скрыться.

Побег – это не эмоция. Это тактика. Стратегия. А у меня не было ни того ни другого.

Я глубоко вдохнула, выпрямила спину. Дрожь в коленях постепенно утихала, сменяясь холодной, твёрдой решимостью. Хватит раскисать. Хватит позволять ему диктовать правила. Хватит реагировать, пора действовать.

Я подошла к огромному экрану, что опоясывал стену. В прошлый раз я тыкала в него наугад, изучая схемы корабля. Теперь я должна была узнать больше, не просто о корабле, а об этом мире. Я прикоснулась к панели, и интерфейс снова загорелся мягким светом.

Я искала информацию. О мире, о его Империи. О их технологии. О их обычаях и иерархии. Знание – это оружие. И я была настроена вооружиться по самое горло.

Я пролистывала меню, уже более осмысленно, находя разделы: «Флот», «Колонии», «Устав». Моё сердце снова забилося часто, но теперь не от страха или желания, а от азарта охотника. Я изучала врага. Я искала его слабые места.

Он вернётся. И он ожидает найти здесь покорную, раздетую рабыню, готовую принять свою судьбу. Но он ошибся.

Я медленно провела пальцем по прохладной поверхности экрана, пролистывая бесконечные строки данных. Стыд и ярость постепенно отступали, сменяясь холодной, сосредоточенной решимостью. Каждый символ, каждое слово, которое попадало в мозг, было кирпичиком в стене моего будущего освобождения.

Я начала с самого простого – с карты корабля. «Гнев Тар'хана», флагманский дредноут класса «Пожиратель». Он был не просто большим; он был огромным, целым летающим городом. Ангары, двигательные отсеки, жилые сектора, оружейные арсеналы... И моя текущая локация – личные апартаменты генерала, расположенные в самом сердце корабля, рядом с командным мостиком. Прямо как у гремучей змеи – голова в самой защищённой точке. Побег отсюда – задача не просто сложная, а практически невыполнимая. По крайней мере, в лоб. Даже удивительно, что у меня это почти получилось.

Но это лишь подстегнуло мой интерес. Я углубилась в устав и иерархию.

Их общество, Империя Зора'тан, было выстроено по принципу жёсткой военной диктатуры, основанной на силе, заслугах и... генетике. Здесь не было место для слабости или сантиментов. Звание и статус определяли всё. Генерал Гар'Зул был не просто военачальником. Он был одним из Высших – кастой правителей, чья власть передавалась по крови и подтверждалась на поле боя. Его титул звучал как «Гар'Зул из Дома Зу'лар, Покоритель Системы К'ватар, Молот Заратуна». Это объясняло его уверенность, его презрение к правилам и его удивление моим словам о браке. Для него я была не просто землянкой. Я была существом с другой, вероятно, «нижней» планеты, и моё место, с его точки зрения, было в его постели, а не на официальной церемонии.

Я нашла базу данных по видам. Земля была помечена как «Зона карантина, Цивилизация 3-го уровня, примитивная, представляет ограниченный интерес кроме биомассы и генетического материала». Похоже, мы были для них дикарями, на которых просто не обращали внимания. До поры до времени. От этой мысли стало мутно.

Затем я наткнулась на кое-что действительно интересное. Раздел под названием «Политическая ситуация. Фракции». Оказалось, Империя была не монолитом. У Гар'Зула были противники. Другие Дома, другие генералы, которые жаждали его власти. Я запомнила имена: Дом Вор'так, Адмирал К'йор. Возможно, их соперничество можно было использовать.

Корабль жил по строгому распорядку. Были часы пиковой активности, плановые проверки и, что ключевое, – «периоды тишины», когда большая часть экипажа была на постах или отдыхала, а системы безопасности перезагружались для проведения диагностики. Это было окно. Маленькое, но оно было.

Я узнала об их системе слежения. Каждый член экипажа имел имплантированный чип, который отслеживал его местоположение и жизненные показатели. У меня его не было. Для них я была неучтённым объектом. Это было определённо плюсом. Надолго ли?

Мой план начал обретать черты. Побег требовал не силы, не скорости, а информации и идеального времени.

Глава 16

Я пролистывала страницы за страницами данных, поглощая информацию с жадностью утопающего. Мой первоначальный ужас и стыд постепенно отступали, сменяясь холодной, почти клинической концентрацией. Это уже не был просто побег. Это была разведка.

Их раса называлась Зора'тане. Высокие, физически мощные гуманоиды с невероятной выносливостью и скоростью регенерации, что объясняло шрамы Гар'Зула – они были свидетельством боёв, которые должны были убить, но лишь закалили его. Их кожа имела лёгкий медный оттенок, а кровь, как я с удивлением прочитала, была насыщена медью и делала их невосприимчивыми ко многим земным токсинам и болезням. Отсюда и его уверенность, что я «не заразная».

Но дальше пошли детали, которые заставили меня пару раз сглотнуть.

Первое шокирующее открытие касалось их социальной структуры и размножения. Империя Зора'тан была построена на принципах евгеники и чистоты крови. Высшие касты, к которым принадлежал Гар'Зул, практиковали так называемое «Целенаправленное Зачатие».

Для них секс – это либо рекреационное времяпрепровождение с низшими кастами или рабами (как в моём случае), либо... суровая биологическая процедура для продолжения рода. Сам акт зачатия ребёнка между представителями Высших каст *никогда* происходил естественным путём. Он проводился в лабораторных условиях, с тщательным отбором генетического материала, его очисткой и усилением, чтобы исключить любые мутации и слабости. Эмбрион затем подсаживали в искусственную матку-инкубатор, где он и развивался до полного срока.

Для них естественное рождение, беременность считались чем-то примитивным, животным, уделом низших рас или скота. Женщина Высшей касты никогда не вынашивала бы ребёнка сама – это считалось унижительным и оскверняющим её статус.

Вот почему мой вопрос о беременности вызвал у него такое недоумение и насмешку. Для него это прозвучало так же дико, как если бы я предложила ему пасти овец или есть руками.

«Такую привилегию сначала заслужить надо» – эта фраза теперь обрела другой смысл.

«Привилегией» было право подать свой генетический материал на рассмотрение для улучшения рода, а не право родить ему ребёнка.

Я сидела, онемев, пытаюсь осознать это. Для меня, земной женщины, материнство, возможность выносить и родить ребёнка – было глубоко личным, естественным, хоть и немного пугающим, чудом. Для них это был просто технологический процесс, этап на конвейере по производству идеальных солдат и правителей.

Второй удар ждал меня в разделе «Психология и эмоции».

Зора'тане не были лишены эмоций. Но они их жёстко контролировали и подавляли, считая проявлением слабости. Гнев, ярость, агрессия – поощрялись, но только если они были направлены на врага и подкреплялись действием. А вот то, что мы называем любовью, привязанностью, нежностью... для них это было психическим отклонением, «синдромом привязанности», с которым боролись на ранних стадиях развития.

Их браки (вернее, «альянсы Домов») заключались исключительно по политическим и генетическим расчётам. Ни о каких чувствах речи не шло. Супруги могли годами не видеться, жить на разных концах галактики, и это считалось нормой.

Я сглотнула комок в горле. Всё, что я считала базовым, человеческим, естественным – любовь матери к ребёнку, сама идея беременности – здесь было извращено, поставлено с ног на голову и заключено в стерильные, бездушные рамки эффективности.

Внезапно поведение Гар'Зула обрело новое, пугающее измерение. Его грубость, его отношение ко мне как к вещи, его непонимание самых человеческих понятий... Он был продук-

том, созданным системой, которая гордилась тем, что вытравливала из своих детей всё человеческое.

И этот монстр сейчас разбирался с какими-то ксаргами, а потом должен вернуться ко мне. Ожидая найти покорную игрушку.

Но теперь я смотрела на него не просто как на насильника и похитителя. Я смотрела на него как на жертву. Жертву чудовищной, бесчеловечной культуры, которая даже не дала ему шанса стать кем-то иным.

Я снова углубилась в изучение их рассы и истории. Мне нужно было найти их слабость в этом идеальном, бездушном механизме. И я была уверена, что она есть. Потому что любая система, отрицающая человечность, в конечном счёте, слепа.

*** **

(Генерал Гар'Зул)

Тишина в ангаре была звенящей, нарушаемой лишь тяжёлым, хриплым дыханием Грок'Тара и мерцанием аварийных огней над головами. Воздух пах дымом и медью – запахом крови моих солдат. Трое раненых, один, возможно, мёртв. И всё из-за вспышки гнева этого примитивного ксаргского вожака.

Грок'Тар, массивный, покрытый бугристой шкурой гуманоид, стоял на коленях, придавленный к полу магнитными наручниками. Его единственный уцелевший глаз, красный от ярости, выжигал меня ненавистью.

– Ты нарушил договор, Гар'Зул! – проревел он, и слюна брызнула из его пасти. – Ты обещал не трогать наш товар, а твои червяки обыскали его!

Я медленно обошёл его, сапоги гулко стучали по металлу. Я чувствовал холодную, знакомую пустоту гнева внутри. Не крик, не ярость. Ледяное, безразличное желание прекратить эту неэффективность.

– Договор, – ответил я, – предусматривает нашу защиту. От твоих сородичей, Грок'Тар. И от тебя самого. Твой «товар» мог быть оружием. Поэтому его проверили.

– Обыск – это осквернение... – пробубнил ксарг, пытаясь вырваться.

Я остановился перед ним, заложив руки за спину.

– Ты вызвал меня лично, чтобы сообщить о своём недовольстве. Я выслушал. Моё решение – карантин твоего сектора на два цикла. Никаких поставок. Никаких контактов. Если за это время твои люди проявят хоть каплю агрессии – я вышлю твой труп твоему преемнику в качестве предупреждения. Понятно?

Его глаз налились кровью от бессильной ярости. Он понял. Понял, что его попытка силой доказать свою значимость обернулась лишь унижением и изоляцией. Он что-то прошипел на своём гортанном наречии, но уже опустил голову.

Я кивнул капитану.

– Убери это. И приведи ангар в порядок.

Разворачиваясь, чтобы уйти, я почувствовал лёгкую вибрацию на запястье. Не сигнал тревоги. Сработала система оповещения о несанкционированном доступе. К моему личному терминалу. Опять землянка. Настырная. Лера. Странное имя.

Мысль о землянке, о её блестящих от вызова глазах, о её тёплом, податливом теле подомной вспыхнула в сознании яркой, отвлекающей вспышкой. Но я тут же отбросил её. Сейчас – дисциплина. Сейчас – долг.

Глава 17

Капитан, молодой офицер с идеально выбритым висками и лицом и слишком прямым взглядом, щёлкнул каблуками.

– Рынок оцеплен, генерал. Все торговцы задержаны. Груз... изъят, – доложил капитан Тар'ван, щёлкая каблуками.

Он немного замешкался, и я почувствовал, какой будет следующий вопрос, ещё до того, как он его задал. Они всегда их задают. Ищут лазейку. Ищут, где можно проявить «инициативу», которая на деле является жестокостью ради жестокости.

Я кивнул, обводя взглядом хаос, что ещё несколько часов назад был крупнейшим нелегальным рынком в секторе. Груды конфискованного оружия, наркотиков, украденных технологий. И клетки. Множество клеток.

– Потери? – спросил я, не глядя на капитана.

– Минимальные, генерал. Двое легкораненых.

– Хорошо. Что с... освобождёнными? – это слово далось мне с трудом. Они были не освобождёнными. Они были изъятим активом.

Тар'ван слегка замешкался.

– Их около трёх сотен, генерал. С разных планет, систем... Виды разные. Многие в состоянии шока, нуждаются в медицинской помощи. Что прикажете с ними делать?

Я медленно повернулся к нему. Внутри всё сжималось в тугую, знакомый узел. Я знал, что он спросит. И я знал ответ. Тот самый, что был вызубрен наизусть с первых дней академии.

– Капитан, – мои слова прозвучали холодно. – А что велит нам Конституционный свод правил Триумvirата в таких случаях?

Тар'ван выпрямился ещё больше, но в его глазах мелькнула тень неуверенности. Он был хорошим солдатом, но думать ему всегда было тяжело.

– Свод правил... предписывает, что все разумные существа, незаконно обращённые в рабство, подлежат возвращению на их родные планеты, генерал.

– Ну так возвращайте, – я резко оборвал его. – Для восстановления справедливости мы сюда и прибыли. Или у вас есть иные предложения?

– Нет, генерал! – он щёлкнул каблуками снова, на его скулах выступил румянец. – Будет сделано! Немедленно приступлю к идентификации и репатриации.

– Сделайте, – я бросил последний взгляд на это месиво из страха и надежды, разлитое в воздухе, и развернулся, чтобы уйти. Моя работа здесь была закончена. Порядок восстановлен. Закон соблюден.

Но по пути к шаттлу, в стерильной тишине своего личного отсека, я впервые за долгие годы почувствовал... раздвоенность.

Возвращайте. Так просто. Так правильно. Так по уставу.

Вот только по правилам я должен был вернуть и землянку тоже. Лера. Я ещё раз мысленно произнёс её имя. Какая странная случайность на языке зора'тан Ле'ра означало упрямство.

Всего неделю назад я стоял в Зале Триумvirата. Высокие, залитые холодным светом своды, три безразличных лица, взирающих на меня сверху вниз.

«Сектор К-42 погрузился в хаос. Пиратство, работоторговля, контрабанда оружия. Это позор для Триумvirата и высокоразвитой цивилизации. Это угроза стабильности. Генерал Гар'Зул, вам поручается очистить его. Восстановить порядок. Вернуть веру в закон».

Я принял приказ без колебаний. Это была моя работа. Моя цель. Я был молотом, который разбивает всё, что не вписывается в идеальный порядок Империи.

И до сегодняшнего дня я был готов выполнить его до буквы. Освободить всех. Отправить каждого на его убогую, пыльную планету.

Но теперь в моих покоях, запертая, как и эти несчастные в клетках, сидела она. И мысль о том, чтобы выпустить её, отправить обратно на её примитивный мир... вызывала во мне протест. Глухой, животный ропот где-то глубоко внутри, который я годами учился давить.

Я сжал кулаки, чувствуя, как напряглись мышцы предплечий. Эта... эта особь. Она была нарушением всех правил. Она не боялась меня. Она бросала вызов. Она копалась в моих данных, изучая нас. Она была ошибкой. Сбоем в программе.

И её место было здесь. Со мной. Пока я не решу, что с ней делать.

Шаттл пристыковался к «Гневу Тар'хана» с тихим шипением. Я прошёл по коридорам, и солдаты замирали по стойке «смирно», но я едва замечал их. Во мне бушевала тихая, холодная буря.

Борьба с эмоциями всегда давалась мне нелегко. В детстве, до академии, до того, как меня оттуда выбили молотом дисциплины, я был... другим. Но это было давно. Теперь я был генералом. Скалой. Неумолимой силой.

Но она, со своим дурацким именем и блестящими глазами, каким-то образом добиралась до тех самых щелей, что я считал наглухо запечатанными.

Дверь в мои покои отъехала. Я вошёл внутрь, ожидая увидеть её испуганной, спрятавшейся, может, даже плачущей. То, что она не будет лежать голой и ждать меня в постели я был уверен на двести процентов. Такая не ляжет и не подчинится. И это злило и в то же время вызывало азарт.

Глава 18

Дверь в мою каюту с тихим шипением отъехала в сторону. Я переступил порог, и мой взгляд, за годы службы привыкший мгновенно оценивать обстановку и выявлять малейший беспорядок, за секунду прошёлся по помещению.

Кровать была пуста, покрывала лежали идеально ровно. Центральный голографический процессор «Око» был погашен, его матовая поверхность холодна и безжизненна. Слишком безжизненна. Слишком чиста. Воздух слабо, но ощутимо пах озоном – верный признак недавней активной работы системы. Очистка воздуха включалась автоматически, как только включалось «Око». Но землянка об этом не знала и пыталась скрыть только видимые следы, не учла, что энергетическое поле матрицы гаснет не мгновенно, оставляя на несколько минут едва уловимый след. Она хитрила. Пока меня не было, она снова рылась в моих данных.

Губы сами собой сжались в тонкую, жёсткую линию. Я не стал звать её. Прощёлся по комнате к небольшой арке, ведущей в смежную комнатку – ту самую клетку, что я выделил для неё. Дверь в неё была приоткрыта.

Землянка сидела на краю своей узкой кровати, подобрав под себя босые ноги. На ней было то же серое платье. Она делала вид, что смотрит в стену, но напряжение в плечах, неестественная неподвижность выдали её с головой.

Я остановился в проёме, заполнив его собой.

– Ты не в моей постели, – произнёс я спокойно, хотя в тесном пространстве голос прозвучал громче, чем я ожидал. – И даже не пытаешься сделать вид, что готовишься. Почему?

Она вздохнула, будто я отвлекаю её от чего-то важного, и медленно, с преувеличенным спокойствием повернула ко мне голову.

– Я уже говорила. Я не рабыня. И уж тем более не проститутка. И не намерена разделять с тобой ложе только потому, что тебе так захотелось.

Во мне недовольно зашевелилось знакомое, колющее раздражение, смешанное с чем-то ещё, чем-то новым и неуловимым.

– Откуда в тебе эта... наглость? – спросил я, делая шаг внутрь. Комната была настолько мала, что я мгновенно сократил дистанцию вдвое. – Или ты всерьёз полагаешь, что если сумела обхитрить меня один раз, то стала умнее?

Её глаза – эти бездонные синие глаза – вдруг неестественно широко распахнулись. В них мелькнул неподдельный, животный испуг. Секундный, но яркий, как вспышка света в темноте. И всё встало на свои места. Она не просто хитрила. Она что-то нашла. Что-то, чего боялась бы потерять. Её реакция сдала её с головой.

Так. Значит, так.

Я сделал последний шаг и теперь нависал над ней, заслоня собой свет от лампы. Она сидела, а я стоял, и разница в наших положениях, в нашей силе стала вдруг осязаемой, как стена между нами.

– Ты изучаешь меня, землянка? – спросил её. – Копаешься в данных, пытаешься понять, как мы устроены? Зачем? Чтобы найти нашу слабость?

Она попыталась отвести взгляд, сглотнула, но затем, с видимым усилием, снова подняла его на меня – уже с вызовом, но тот испуг ещё читался в самой глубине, выдавая её.

– Разве это ненормально? – её голос дрогнул, но она прикрыла это покашливанием, и снова с вызовом начала. – Интересоваться миром, в котором оказалась? Я хочу понимать, где нахожусь. С кем имею дело.

– Для чего, Лера? – я наклонился чуть ниже, заставляя её запрокинуть голову, чтобы видеть моё лицо. – Для чего тебе это понимание? Для побега? Или для чего-то ещё?

Я медленно протянул руку и обхватил её подбородок пальцами. Её кожа была на удивление мягкой и тёплой. Она вздрогнула всем телом, но не отодвинулась. Её глаза пылали, отражая тусклый свет лампы.

– В любопытстве нет ничего плохого, – продолжил я, глядя прямо в них, не позволяя ей отвернуться. – Но есть черта, которую переходить нельзя. Ты перешла её и соврала.

Я видел, как по её горлу пробежала судорога, как участилось дыхание.

– Хочешь изучать? – я наклонился ещё ближе и почувствовал исходящее от неё тепло. – Спроси. Я дам тебе материалы. Расскажу. Покажу всё, что захочешь знать. Но только не обманывай меня.

Я отпустил её подбородок, позволив ей откинуть голову, но не отступил ни на шаг, продолжая держать её в поле своего влияния, своей воли.

– Я враньё не люблю. И презираю. Запомни это.

Я не отступил ни на шаг, продолжая ощущать её быстрое, птичье дыхание. Мои пальцы всё ещё чувствовали тепло её кожи, её испуг и её вызов – странная, головокружительная смесь, которая и мне кружила голову тоже.

– Я даю тебе выбор. Честность или ложь.

Я выпрямился во весь рост, и она тут же оказалась в моей тени, маленькая и хрупкая. Её глаза снова расширились, но теперь в них читалась не просто испуганная готовность к бегству, а нечто более глубокое – осознание.

– А сейчас, – произнёс я, – ты идёшь в мою постель. Раздетая.

Она попыталась сжать губы, поднять подбородок в немом протесте, но я видел, как дрожь пробежала по её рукам, сжимавшим край койки.

– Или, – я сделал паузу, давая этим словам обрести нужный, железный вес, – я сниму с тебя всё сам. До последней нитки.

Тишина повисла густая, звенящая. Она замерла, словно испуганный детёныш перед вспышкой фотонного заряда. Я видел, как в её голове проносятся мысли, оценки, попытки найти выход там, где его не было. Её взгляд метнулся к выходу, на мгновение задержался на моём лице, ища хоть каплю снисхождения и не найдя её.

– Выбора нет, Лера, – окончательно расставил все точки я. – Есть только вопрос – как это произойдёт. Твоё упрямство против моей воли. И мы оба знаем, чем закончится эта борьба.

Я протянул к ней руку, давая ей последний шанс. Последнюю возможность сохранить хотя бы призрачную видимость собственного достоинства.

– Решай.

Глава 19

(Лера)

Сердце колотилось где-то в горле, бешено и беспомощно. Его слова висели в воздухе, тяжёлые и неоспоримые. *Выбора нет.* Он был прав. Я знала это. Знала каждой клеткой своего тела, которое до сих пор помнило железную хватку его рук, его подавляющую силу.

Не уступай. Нельзя уступать, – яростно шептал какой-то внутренний голос, последний оплот моего сопротивления. *Если уступишь сейчас, всё кончено. Станешь вещью. Игрушкой.*

Но другой, более холодный и рациональный, тут же парировал: *Он сдержит слово. Он сделает это силой. И это будет унижительнее. Больше. Ты потеряешь всё, даже призрачную иллюзию контроля над ситуацией.*

Его рука всё ещё была протянута ко мне. Не для удара. Не для захвата. В ожидании. В этом жесте была какая-то дьявольская учтивость, которая бесила ещё сильнее. Он давал мне возможность *согласиться* на собственное унижение. Сделать это самой.

Я смотрела на его ладонь. Широкою, с грубыми пальцами, покрытую паутиной бледных шрамов. Руку, которая могла сломать меня пополам. И которая сейчас ждала моего решения.

Внутри всё сжалось в тугую, болезненный ком. Гордость кричала «нет». Инстинкт самосохранения, холодный и отчётливый, нащёпывал: «Выживай. Любой ценой».

Я заставила себя поднять взгляд на него. На его каменное, невозмутимое лицо. В его серых глазах не было ни злобы, ни торжества. Был лишь абсолютный, тотальный контроль. Он знал, что я сломаюсь. И ждал этого.

Моя собственная рука дрогнула. Я чувствовала, как по спине бегут мурашки стыда и ярости. Это была капитуляция. Самая горькая из возможных.

Медленно, будто против воли, я подняла свою руку и вложила ладонь в его.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих. Негрубо. Твёрдо. Тепло его кожи обожгло меня.

Он коротко кивнул, и в уголке его рта дрогнула тень чего-то, что можно было принять за удовлетворение.

– Хорошая землянка. Умница.

Эти слова прозвучали как пощёчина. Хуже, чем ругань. Он хвалил меня за покорность. Как дрессировщик – животное, выполнившее команду.

– А теперь, – его голос не изменился, оставаясь ровным и властным, – раздевайся.

Он отпустил мою руку, продолжая смотреть мне в глаза, как бы напоминая, кто здесь хозяин.

Я отвела взгляд от его лица, чувствуя, как жар стыда заливает щёки. Мой взгляд упал на застёжку на плече платья. Простую, декоративную. Мои пальцы дрожали, когда я потянулась к ней другой, свободной рукой.

Я чувствовала его взгляд на себе. Пристальный, тяжёлый, изучающий каждый мой жест, каждую эмоцию на моём лице.

Я расстегнула застёжку. Тонкая ткань платья ослабла на плече. Потом я потянулась ко второй, на другом плече. Каждое движение давалось с невероятным трудом. Казалось, прошла вечность, прежде чем платье окончательно ослабло и начало медленно сползать вниз, обнажая кожу.

Я не смотрела на него. Я смотрела куда-то в пространство за его спиной, пытаясь отключиться, уйти в себя. Но его присутствие было слишком весомым, слишком физическим. Я чувствовала его дыхание, слышала тишину, которую нарушал только шелест ткани.

Платье упало к моим ногам мягким серым облаком. Я стояла перед ним в одном только лёгком белье, чувствуя прохладный воздух на своей коже.

– Всё, – прошептала я.

Его взгляд медленно, с неприкрытой оценкой, скользнул с моих ног до лица. Во мне всё сжалось от этого взгляда. Это было хуже, чем прикосновение.

– Продолжай, – прозвучало его следующее повеление. Тихим, нетерпящим возражений тоном.

Мои пальцы снова задрожали, когда я потянулась к застёжке на спине. Этот простой механизм вдруг показался невероятно сложным. Я чувствовала, как его взгляд прикован к моим рукам и плечам. Щелчок прозвучал оглушительно громко в звенящей тишине. Бретели ослабли, и я, сдерживая дрожь, сняла лифчик, позволив ему упасть на пол к платью.

Воздух коснулся обнажённой кожи, и я непроизвольно вздрогнула. Мой взгляд метнулся к нему.

Его серые глаза, тяжёлые и непроницаемые, теперь были прикованы к моей груди. Я видела, как его зрачки слегка расширились. И самое ужасное – моё тело отреагировало на этот голодный, оценивающий взгляд. Соски налились и затвердели, предательски выдавая не только реакцию на холод, но и нечто другое. Что-то тёплое и тягучее поползло из груди в низ живота, сжимаясь в тугую, трепещущий комок. Это был уже не просто страх. Страх был острым, колючим. Это было что-то глубже, тяжелее, будто вся кровь отхлынула от головы и прилила туда, в самую сокровенную точку, наполняя её пульсирующим теплом.

Я заставила себя опустить руки к резинке трусиков. Тонкая ткань скользнула вниз по бёдрам. Я сделала неуклюжий шаг, высвобождаясь из них, и осталась стоять перед ним совершенно голая. Дрожь пробежала по коже, но я впилась ногтями в ладони, стараясь не закрываться руками. Уступить в этом – значит проиграть окончательно.

Его кадык резко дёрнулся, когда его взгляд скользнул по мне с ног до головы. Едва заметное движение, но я его поймала.

Он тоже волнуется, – пронеслось в голове ослепительной догадкой. Эта мысль была странно ободряющей. Он не был бесстрастной машиной. В нём тоже кипели страсти.

Не говоря ни слова, он взялся за застёжку своего мундира. Скинул его на стул и принялся расстегивать пуговицы рубашки. Он снимал одежду не с поспешностью любовника, а с выверенной точностью военного, предоставляя мне возможность рассмотреть его при свете. Его торс был таким, каким я и представляла – мощным, покрытым паутиной шрамов, с рельефными мышцами живота и груди. Каждый шрам был историей, каждый мускул – свидетельством силы.

Потом его руки опустились к пряжке ремня. Моё сердце забилося с такой силой, что я почувствовала его стук в висках. Я заставила себя не отводить взгляд. На Земле я бы сгорела со стыда, пялясь на обнажающегося мужчину. Но здесь это было оружием. Единственным, что у меня оставалось. Если он будет изучать меня, то и я буду изучать его. На равных. Чтобы он не думал, что сломал меня полностью.

Ремень расстегнулся с тихим щелчком. Брюки упали на пол. И он предстал передо мной во всей своей... мощи. Его член был напряжённым и прямым, как копьё, тёмно-бордовым, налитым кровью. Длинный, с мощной головкой, увитый сетью сосудов. Ничем не отличался от человеческого. Та же плоть, та же жизнь. только если размером.

Он сделал шаг вперёд, тоже полностью обнажённый. Его тело казалось ещё более огромным и неумолимым без одежды. Я, наконец, оторвала взгляд от его члена и подняла глаза к его лицу. И встретила там усмешку. Не злую, не торжествующую. Скорее... оценивающую и полную какого-то тёмного азарта. Он видел, что я не отвожу глаз. Видел мой вызов и смущение.

Его губы тронула усмешка, когда он произнёс, низко и глубоко, протягивая ко мне руку уже не для приказа, а для приглашения:

– Иди сюда.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.